

Цветок Трех Миров

Автор:

Дмитрий Емец

Цветок Трех Миров

Дмитрий Александрович Емец

ШНыр #9

Закладка, охраняющая Шныр, умирает. Она теряет силу, а вместе с ней и способность удерживать ведьмарей на расстоянии. Не будет главной закладки – не будет и школы ныряльщиков, а значит, некому станет летать на пегасах на двушку, чтобы спасти чью-то жизнь или подарить кому-то второй шанс. Чтобы школа продолжила существовать, нужна новая мощная закладка, но такой в нашем мире нет, она находится на двушке, и достать ее оттуда невозможно... Было невозможно, пока в руки Калерии не попал Цветок Трех Миров, который может перетягивать силы закладок из одного мира в другой. С его помощью Шныр возродится! Если только цветок не достанется ведьмарям...

Дмитрий Емец

Цветок Трех Миров

© Емец Д. А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Дорожные знаки разведчика

Поучение молодым писателям: писать нужно так, чтобы забывался весь труд мастерства, чем больше забудешься, тем выйдет очаровательней (то есть и читатель забудется), а самое уже лучшее пишется так, чтобы и сама красота мира забылась: тайно присутствуя и всему душа – красота бы исчезла из сознания, как и мастерство, и все произведение писалось бы только из побуждения любви к людям и миру.

М. М. Пришвин

В продолжение многих поколений, покуда не истощилась унаследованная от Бога природа, правители Атлантиды повиновались законам и жили в дружбе со сродным им божественным началом: они блюли истинный и во всем великий строй мыслей, относились к неизбежным определениям судьбы и друг к другу с разумной терпеливостью, презирая все, кроме добродетели, ни во что не ставили богатство и с легкостью почитали чуть ли не за досадное бремя груды золота и прочих сокровищ. (...) Пока они так рассуждали, а божественная природа сохраняла в них свою силу, все их достояние, нами описанное, возрастало. Но когда унаследованная от Бога доля ослабела, многократно растворяясь в смертной примеси, и возобладал человеческий нрав, тогда они оказались не в состоянии долее выносить свое богатство и утратили благопристойность. (...) они являли собой постыдное зрелище, ибо промотали самую прекрасную из своих ценностей; неспособные усмотреть, в чем состоит истинно счастливая жизнь, они казались прекраснее и счастливее всего как раз тогда, когда в них кипела безудержная жадность и сила.

Платон. Из диалога «Критий»

Глава первая

Хозяйка дракона

– Ты мне нравишься исключительно как человек.

– Ну вот, хотела обидеть, а сказала удивительно умную вещь! Значит, только я тебе и подхожу.

Из дневника невернувшегося шныра

Дверь в кабинет Кавалерии была приоткрыта. Октавий прыгал на пороге, подбрасываемый собственным лаем. Он был не просто возмущен, а пребывал в крайнем негодовании. От лая передние лапы отрывались от пола, и на несколько мгновений крошечный пес застывал столбиком.

На полу, потому что, опустись он в кресло, голова-горшок уперлась бы в потолок, сидел Горшеня. Тулуп был распахнут. Медный котел выпирающего пуза был теплым от близости батареи. На удобном, точно для него созданном изгибе котла лежал дракончик. Он объелся и потому икал – примерно раз в шесть секунд. И когда икал, становилось видно, что из горла у него торчит не до конца проглоченный рыбий хвост.

За прошедшие дни дракончик заметно подрос. Теперь он был размером, пожалуй, с небольшую дыню. От головы к хвосту спину его пересекали полосы зарождавшихся чешуек, между которыми оставались участки розовой кожи. Горбики-наросты постепенно оформлялись в маленькие крылья с кожистыми перепонками. На нижней челюсти был кожистый гребень, похожий на петушиную бородку.

В кабинет вошли Кавалерия и Рина. За ними с кастрюлей в руках топала Суповна. Октавий ябедливо прыгал у них под ногами, призывая к совместной атаке на Горшеню. Себе он при этом отводил роль второго атакующего эшелона, а еще лучше – глубокого тыла.

– Вот, Суповна, новая нянька у нас! – сказала Кавалерия, кивнув на великана. – Трое суток с рук его не спускает! А до этого почти неделю на улице перед окном простоял. Ну я и подумала...

– ...а не нагрузить ли? Эх, мамашки, все вы такие!

Кавалерия смущенно засмеялась. Суповна была недалеко от истины.

– Да ты только посмотри на него! Этот котел! Этот изгиб в меди! Тебе не кажется, что Митяй Желтоглазый, когда делал Горшеню, знал про дракончика? А сам Горшеня? Ты когда-нибудь видела его таким счастливым?

Суповна поставила на стол дымящуюся кастрюлю. Подошла к Горшене, глянула на него снизу из-под косматых бровей. Глаза-пуговицы Горшени сияли. Он даже рукой двинуть боялся, чтобы не разбудить дракончика.

– Так видела его таким или нет? – повторила Кавалерия.

– Видела. Когда Кузепыча сожрал. Три дня без завхоза жили! Это ж счастье ж какое! – сказала Суповна и, перестав разглядывать Горшеню, уставилась на дракончика.

– Ишь, чудищца какая! Натуральная котлета! Опять обожрамшись!

– Ты хотела сказать: какой милый! – заметила Кавалерия.

Суповна уперла руки в бока:

– Что захотела, то и сказала! Только не надо в ладони мне чудищцу совать! Заспиртовать такую дрянь – да и в музей!.. Ладно-ладно, хозяина-то нашли ему? Если Горшене оставить, он его скоро так перекормит, что страшилищу вашу поперек разорвет.

Кавалерия взглянула на Рину. Рина застенчиво стояла и ковыряла ногтем кожу укороченной нерпи. Она догадывалась, зачем Кавалерия позвала ее к дракончику, хотя прямого разговора пока не было.

– Стесняшки? – хмыкнула Суповна. – Знаю я таких стесняшек! Давай приручай его!

Рина осторожно подошла. Великан не шевелился.

– Я возьму его, хорошо? – спросила она.

Огромный рот великана распахнулся, откинув верхнюю часть головы вместе с пуговицами глаз.

– Голова глиняная, пузо голодное, – предупредил Горшеня и приподнял громадную руку, мешая Рине приблизиться.

– Ты не съешь меня? – спросила Рина.

Горшеня не ответил.

– А взять его позволишь?

Рука великана предостерегающе качнулась. В его распахнутой голове, во всем огромном существе зрела и определялась пока неведомая, но важная мысль. Казалось, она была заложена в Горшеню с самого начала, а теперь медленно, с усилием всплывала из глубин.

– Сам... должен... выбрать... кого... – с усилием выговорил Горшеня.

Кавалерия кивнула.

– Хорошо. Он выберет. Попробуй гепарда! – велела она Рине.

Рина закатала рукав, высвобождая нерпю. Помня, как это было с Гавром, коснулась дракончика гепардом. Потом чуть подвинула гепарда и сама тоже коснулась гепарда и нерпи носом. Чтобы проделать это, ей пришлось лечь щекой на медный котел Горшени. В теплом котле было что-то успокаивающее, родственное материнской утробе. Рина лежала и пыталась услышать мысли дракончика, своего собрата по той же утробе.

Дракончик ни о чем особом не думал: просто дремал. Рина бережно вплелась в его сон. Догнала волну несложных желаний. Дракончик хотел плавать. Во сне он неясно видел воду, не зная, что это вода, и не смущаясь самим определением понятия. Он просто плыл. А зачем, почему, куда – об этом он не задумывался, как не задумывается младенец, чем и по какой причине дышит.

– Плывет... – шепнула Рина.

– Как? Лапами, что ль? – с сомнением спросила Суповна.

Рина показала на крылья. Маленькие крылышки дракончика подрагивали. Похожие движения проделывал и хвост.

– Надо ему, значит, воду обеспечить, – озаботилась Кавалерия. – Может, он оттого такой толстый, что они в этом возрасте в воде живут, а на суше им двигаться тяжело?

– Думаю, они и взрослыми плавают. Полет похож на плавание. Пеги и те пытаются иногда крыльями грести, а тут крылья кожистые, перьев нет, – с ощущением, что не ошибается, предположила Рина.

– Эта-то котлета плавает? Хм... Ну разве что ныряет... – Суповна с сомнением посмотрела на дракончика. – По мамке-то не скучает?

Рина не могла покачать головой, потому что это разорвало бы ее контакт с гепардом, но она поерзала губами.

– Не похоже, – ответила она. – Драконы – они как черепахи или как крокодилы. Может, мать и охраняет кладку, но о детях не заботится.

– Тогда это не мать, а самка! – задиристо заявила Суповна.

От ее громкого голоса, заставившего вздрогнуть стекла, дракончик проснулся. Мысли его заметались, после чего остановились на том, что можно бы подкрепиться, раз других идей все равно не возникает.

– Давай! – прошептала Кавалерия Рине. – Пусть он тебя выберет!

Рина сосредоточилась. Догнала волной своих мыслей волну мыслей дракончика. Представляясь ему, стала формировать свой образ. Поначалу вообразила себя в виде драконихи, привлекательной во всех отношениях. «Иди ко мне, мой маленький! Я научу тебя дышать огнем!» Не сработало. Дракончик тревожно вздрогнул и попытался отодвинуться. Видно, опасался, что его сожрут. Искушая невыгодное впечатление, Рина мгновенно убрала дракониху и переключилась на пищевой ряд. Представила себя с огромной миской фарша в руках: «Ну а так? Иди сюда, малыш!»

Но то ли потому, что рыбий хвост все еще торчал у дракончика в горле, то ли еще почему-то, но рекламная кампания оказалась unsuccessful. Отодвинувшись от Риной и разорвав контакт с гепардом, дракончик заскользил по медному котлу, панически царапая лапками, чтобы не свалиться. Однако медь не тот материал, за который можно цепляться. Чем больше он царапался, тем быстрее скатывался. Пытаясь помочь ему, Рина схватила дракончика рукой. Он зашипел и, извернувшись, вцепился ей зубами в ладонь.

– А-а-а! Спятил?! Больно! Челюсти ему разожмите!

Дракончик шипел, Рина орала. Суповна и Горшеня тянули их в разные стороны: Суповна – Рину, а Горшеня – дракончика. Сцена вышла душераздирающая. Проще всего ее будет представить тому, кто хотя бы раз в жизни пытался удержать в ванне паникующего кота, с которого душем смывают шампунь.

Минуту спустя Рина, бледная от пережитого ужаса, сидела за столом Кавалерии и смотрела на свою изодранную руку, на которую Суповна щедро лила перекись. Перекись шипела и, окрашиваясь в розовый цвет, повисала на ране хлопьями.

– Ничо, девка! Терпи! Подштопаем тебя – будешь как новенькая! Это мужики пущай от крови в обморок грохаются! Женщины... – это слово Суповна произносила как «женьщины», – они храбрее мужиков во всех глобальных испытаниях. Даже в детстве девчонки кровь сдают в пять раз спокойнее мальчишек. Кто вечно валяется в коридорах детских поликлиник полуживой с прижатой к пальчику розовой ваткой?

– Я же хотела как лучше! – стараясь не смотреть на свою руку, обиженно повторяла Рина. – Чего он в меня вцепился?

– Просто... ты... не та! – медленно произнес Горшеня. – Нельзя было... трогать. Сам... должен... выбрать!

В коридоре что-то забухало, донеслись возбужденные голоса. Там кто-то с кем-то боролся. Один человек прорывался внутрь, а другой его задерживал. Потом в дверь чем-то одиночно стукнули – и опять возня. Видно, того, кто постучал, пытались оттащить.

– Войдите! – разрешила Кавалерия.

Что-то неуклюже завозилось, цепляя стены, и в кабинет на костылях ввалилась Наста. Она была раскрасневшаяся и очень злая. За ней, пытаясь ее успокоить, переваливался Рузя.

– Не надо! Не надо! – повторял он.

– Скажите своему Меркурию, чтобы пускал меня в пегасню! Я ему там все перебую, если не будет пускать! – крикнула Наста с порога.

Кавалерия посмотрела на Насту сперва сквозь очки, а потом поверх них, сверяя впечатление. Во внешности Насты с прошлой их встречи произошли некоторые изменения. Наста окончательно избавилась от своих бровей – прекраснейших во всем ШНыре – и на их месте написала не то тушью, не то еще чем-то «брови». Буквы, разумеется, располагались дугой. Одна дуга – там, где была правая бровь, другая – на месте левой.

– Что-то не так? – спросила Наста задиристо.

– Да нет. Все прекрасно, – заверила ее Кавалерия. – Так почему Меркурий Сергеич прогоняет тебя из пегасни?

– Она хочет верхом, – наябедничал Рузя.

– Да! Хочу!

– Тебе нельзя!

– Это тебе ничего нельзя! Отвали, пингвин!

Отгоняя Рузю, Наста взмахнула костью. Стеллаж, разделявший кабинет на две части, покачнулся, и фарфоровая фигурка играющего ребенка скользнула к краю. Рузя тоненько взвизгнул. Коснувшись серебряной руки на нерпи, Кавалерия подхватила фигурку уже у самого пола и вернула на место.

– Так, – негромко сказала она. – НАСТА! Я считаю до трех. За это время ты должна успеть развернуться на сто восемьдесят градусов и согнуться. Потому что, когда я скажу «четыре», ты окажешься у Лехура в больнице с банкой джема на тумбочке и с самым дурацким любовным романом, который я найду в шныровской библиотеке... Раз!

Опыт сотен книг и фильмов свидетельствует, что все самое интересное происходит всегда на счет «три», а порой, чтобы избежать клише, даже и на счет «раз». Однако сейчас все началось гораздо раньше. Фарфоровая фигурка ребенка, которую Кавалерия из осторожности отодвинула подальше от края, привела в движение и прочие фигурки, которыми была заставлена полка. Среди фигурок оказался и круглый мраморный шар, установленный на куске лавы с небольшим углублением. Шар покатился и с грохотом упал на пол, расколовшись вдребезги.

Испуганный дракончик завертелся на котле у Горшени, с котла перемахнул на рукав, с рукава на голову и, с силой оттолкнувшись задними лапами, прыгнул на руки к Насте. Ловя его в воздухе, Наста выпустила кость и обрушилась на пол с шумом, ничуть не меньшим, чем шар. Только дракончик на этот раз не испугался. Уютно устроившись на животе у Насти, он свернулся и спрятал нос под крыло. Вид у него был довольный.

– Ну что вам сказать, вдовы? Кажется, я грохнулась! – сообщила Наста с пола, хотя это и так было всем понятно.

– Вы, конечно, хотите узнать, цела ли я? Большое спасибо! Пол не пострадал! – продолжала Наста.

Все молчали, глядя не на Насту, а на Горшеню, который, вскочив и раскинув руки, заполнил вдруг всю комнату от пола до потолка и от стены и до стены. Нависнув над Настой, он пристально уставился на нее. Глаза-пуговицы блестели

невероятным торжеством.

– Она! – произнес он.

– Что «она»? – недоверчиво переспросила Кавалерия. – Хозяйка дракона?

– Да. Дракон выбрал... ее! – повторил Горшеня и, будто передавая ей нечто незримое, опустил огромную руку на лоб Насты.

– Эй, чучело, у тебя мусор из рукава сыплется!.. И прямо мне в глаза! – жалобно сказала Наста. – Может, меня все же кто-нибудь поднимет?.. Нет, я не против полежать, конечно, так что вы сами решайте!

Насту подняли и, как она сама прокомментировала, «установили на костылях». Дракончик перебрался к ней на плечо и устроился там. Ни Рине, ни Кавалерии он взять себя не позволял и, предостерегающе шипя, приоткрывал рот, показывая мелкие зубы.

– Не плюйся мне в ухо, ящерица! Раздражает! – сказала Наста. – Ну все, вдовы! Я потопала. Приятно было пообщаться!

И, забрасывая вперед загипсованную ногу, направилась к выходу. Потом остановилась.

– Может, кто-нибудь все-таки заберет это существо? – поинтересовалась она. – Нет, я, конечно, всех люблю, и яйцо даже, кажется, я притащила. Но просто, если кто-то хочет забрать, я не против!

Рина жалобно посмотрела вначале на свою прокушенную руку, потом на нерпъ.

– А как же это вот? Мне его отдавать не надо? – спросила она, носом показывая на гепарда, потому что рукой было показывать больно.

В поисках ответа все уставились на Горшеню. Однако великан снова сидел на полу, занимая места ровно столько же, сколько и в самом начале. Вид у него был привычно дурковатый. Пророчеств он не произносил, и янтарные пуговицы глаз уже не столько смотрели, сколько таращились.

– А! Ну да! Все умное он уже сказал, всех нагрузил! А теперь «голова глиняная, пузо голодное», ля-ля тополя и всякое такое! – сказала Наста.

Вопрос с гепардом пришлось решать Кавалерии.

– Думаю, гепарда отдавать не нужно, раз он выбрал ее без гепарда. Пока ты жива, гепард – твой уникал, – сказала она Рине. Рина предпочла бы обойтись без таких уточнений, хотя и догадывалась, что у гепарда было немало хозяев до нее, равно как и после нее его кто-нибудь получит.

– Однако со временем Насте могут понадобиться твои советы, чтобы найти с ним общий язык, – добавила Кавалерия.

– Она и так уже его нашла! – сказала Рина не без зависти, хотя зависть эта не была такой уж сильной, потому что у нее ведь был Гавр.

Наста пыталась выйти, однако тяжелый дракончик, устроившийся у нее на плече, клонил ее на одну сторону. Чтобы устоять, приходилось откидывать костыль, и он начинал скользить.

– Чего стоишь как памятник? Сними его с меня! Он тяжелый, как утюг! – велела она Рузе.

Рузя пугливо потянул к дракончику руку. Дракончик зашипел.

– Та-ак! Это еще что?! Я тебе вякну! – Наста без всякого трепета сгребла дракончика и встряхнула его, как нашкодившего кота.

– Рузя – это все равно что я! – сказала Наста. – Понял? И только попробуй его укусить! Есть еще вопросы по организации производства?

Вопросов не оказалось. Дракончик перестал шипеть. Наста сгрузила его Рузе и удалилась, стуча гипсом как каменный гость. Верный Рузя спешил за ней с дракончиком на руках.

Первой пришла в себя Суповна.

– Ох, мамашки! – сказала она, подбоченившись. – Золотой зуб даю, что знаю, кто станет настоящим хранителем дракона!

Глава вторая

Богатый жених и суповна в тещах

«Дерево не может мыслить! Оно тупое, понимаешь! Вот скажи, дерево: сколько будет дважды два?»

Лиственница уронила четыре иголки. С верхней ветки взлетели четыре птицы.

«Видишь: молчит! Значит, и боли не испытает. Давай бензопилу! Покончим с этим поскорее!»

По коре скатилась капля смолы, похожая на слезу.

Записи в блокноте Рины

Гавр огромными скачками носился по лесу. То показывался, то исчезал. Слышался лишь треск сучьев. Рина волновалась. В конце концов, они отошли от ШНыра очень далеко, и места эти были лесные, для Гавра новые.

– Гаврик! Гаврик! Мальчик мой крохотный! – кричала она, и когда Гавр, снося сухие березы, выпрыгивал из чащи на ее голос, бросалась обнимать его и целовать. Довольный Гавр заваливался на спину, показывая очень грязное брюхо.

– Эх! Если б ты меня так обнимала и целовала, как эту гиелу! – позавидовал Сашка. – Нет-нет, после гиелы не надо! Он, кажись, что-то дохлое съел!

Рина принялась:

– Дохлое не страшно. Хуже, если гриб какой-то! А вдруг он отравится?

– Он при нас мухоморов шесть слопал – и ничего.

– А если он клеща поймает?

– Я на него как-то сажал клеща! Клещ растворился, едва его укусил! Можешь представить, какая там кровь, – сказал Сашка и сразу пожалел об этом, потому что Рина едва его не прикончила, требуя сознаться во всех его диверсиях против Гавра.

– А почему он недавно хромал? А проплешина у уха? А когда у него температура была? Это тоже все ты?

– Тогда я скормил ему включенный утюг! Хотел проверить, за сколько он его переварит, – сказал Сашка – и вынужден был спасаться, потому что встревоженная Рина начисто была лишена чувства юмора.

Успокоилась Рина только минут через пять.

– Ладно! Слезай с дерева! Прощаю! – сказала она, перестав швырять в Сашку шишки.

Сашка спрыгнул с сосны, и они пошли по едва заметной тропе. Гавр то забегал вперед, то возвращался и неся в другую сторону. Потом спугнул зайца, долго гнал его и, потеряв, вернулся возбужденный и сконфуженный.

Рина поглядывала на нерпь. Кентавр слабо мерцал. Над ним в воздухе повис слабый контур. Это означало, что с ней кто-то пытается связаться, но не может, потому что кентавр почти разряжен. Сашка же и вовсе был без нерпи. Отдал ее чинить девице Штопочке, умевшей работать с кожей. Мало того что Штопочка постоянно сплетала всякие штуки из кожаных шнурков, она могла так прошить разваливающуюся нерпь с выпадавшими фигурками, что только присвистнешь.

Сашка спустился с тропы в каменистое русло высохшего ручья и шел по нему, разглядывая обнажившиеся породы. Он не умел гулять просто так. Ему обязательно нужна была какая-нибудь цель. Или проверять работу навигатора, или открывать новую дорогу. Без цели он гулять не мог, поэтому если Рина хотела заманить его в лес, то говорила: пошли искать ледниковые валуны. Таких

валунов под Копытово было немало. Порой даже можно было проследить ложбинки, по которым тащил их лед.

– Опс! Кремний! Наконечник стрелы или маленького копья! Сколько он тут пролежал! Тысяч десять лет точно! – воскликнул вдруг Сашка, поднимая узкий, оббитый с краю камешек.

Рина недоверчиво уставилась ему на ладонь. Это и правда был кремний – но вот наконечник ли копья?

– Ну да! Смотри. Вот три грани четко прослеживаются. А вот выемка. Чем-то он им не понравился, и его выкинули. Скорее всего, кончик откололся... Ты не думай, что они сильно сложно и долго это делали. Шли, как мы сейчас по лесу, видят – камень подходящий. Повертели в руках, потюкали. Получилось – взяли, не получилось – выкинули.

И по той простоте, с которой Сашка опустил кремний в карман, Рина поняла, что это и правда наконечник. Сашка вечно что-то находил. То первобытный скребок. То оттиснутые в камне морские лилии. Древних морских ежей тоже приносил регулярно. Они были кругленькие и лысенькие. Несколько десятков миллионов лет не пошли им на пользу.

Кентавр опять окутался слабым сиянием. Видно, Рина была кому-то очень нужна. Интересно кому. И зачем? Рина вытащила из кармана смартфон и убедилась, что антенна зачеркнута. Обычная Сеть тоже отсутствовала. Местность была пересеченная, холмистая.

– Далеко мы от ШНыра? – спросила Рина.

Сашка задумался:

– Если напрямую – километров двенадцать на северо-запад!

– А если накривую? Мы же два болота обходили.

– Ну тогда побольше, – признал Сашка. – Ничего. До ужина вернемся.

Рина хихикнула.

– Чего ты?

– Я вспомнила наш последний поход на выживание. Влад Ганич вечно летит не пойми куда, а потом пишет в чат или в беседу: «Я потерялся! В какую сторону мне идти?»

– А ты отвечаешь ему: «В обратную!» – ответил Сашка.

– Ну да. А что еще я могу написать? Узнавать, что вокруг? Он скажет: деревья!

Гавр опять выскочил из леса. На сей раз он весь был в мелких пуховых перьях. Из-за этих перьев морда его казалась обросшей бородой.

– Гаврик! Что ты сделал с бедной птичкой?

– Ничего. Думаю, нашел место, где сокол голубя ощипывал, и доел. Мы не гордые. Продукты пропадать не должны, – сказал Сашка.

Русло ручья привело их в темную низину, где росли кривые мокрые деревья, обросшие лишайником.

– А дальше что? Тупо премся вверх? – спросила Рина.

– Да, тупо премся вверх, – подтвердил Сашка. – Это самая короткая дорога. Дойдут, правда, не все.

– Отличный план! – одобрила Рина, и они долго поднимались по скользкому глинистому склону.

Гавр, точно смеясь над ними, носился по тому же склону вверх и вниз, и в лицо им летела грязь от его лап. Гавр совершенно не устал, хотя язык у него и был радостно высунут.

На вершине холма лес отсутствовал. Здесь стояли два дома и метеорологическая вышка. Из лесничества Гавра облаяли собаки. Гавр, не слушая команды «Назад!», кинулся разбираться, и вскоре лай сменился жалобным воем. Один за другим треснули три выстрела, и перепуганный Гавр примчался назад. Он дрожал и поджимал уши, однако ни ран, ни крови на нем не было.

– Они могли в него попасть! – заорала Рина, кидаясь к забору.

– Не надо! – остановил ее Сашка. – Его просто отпугивали. Я об этих ребятах слышал. Они здесь траву выращивают на продажу. Не скажу какую. Тысячелистник, шалфей, зверобой.

Они спустились в овражек, где от лесничества их нельзя было увидеть даже в бинокль. В овражке Гавр успокоился очень быстро. Поочередно стал раскрывать крылья и вылизывать их. Уставшая Рина легла на траву.

– Моя жизнь закончена! Ты не смотри, что я такая веселая! Я никогда не буду прежней! Я старушка в душе! Я похоронила своего внутреннего ребенка! – сообщила она, глядя в небо.

Сашка покосился на нее и хмыкнул. С Риной вечно одно из трех: то бежит и орет, то сидит и печатает, то вдруг грохнется и заявит, что она совершенно без сил.

– Шоколадку будешь? – предложил Сашка.

Рина задумалась. Она не знала, может ли человек, похоронивший своего внутреннего ребенка, желать шоколадку.

– Ну давай! – согласилась она наконец.

После шоколадки Сашка дал Рине половинку своего мандарина. Рина смутилась, но съела. Смутилась же потому, что у нее в кармане был не один мандарин, как у Сашки, а несколько, но она потихоньку слопала их по дороге.

Кроме мандарина и шоколадки Сашка захватил с собой еще кусок копченой колбасы. В кармане он покрылся крошками и кусочками коры. Перед тем как

отправить в рот свою часть, Рина подозрительно обнюхала колбасу со всех сторон. Засмеялась.

– Чего ты?

– Я вспомнила Лару. Она вечно даты на продуктах проверяет. Никогда ничего не съест без этого. Даже если сама десять минут назад купила, все равно проверит. Зато она способна тухлый йогурт съесть, если по дате он годный, а я вот ни за что не съем! – похвасталась Рина.

– Потому что Гавр слопает! – сказал Сашка, и раньше, чем Рина поняла, что это не просто рассуждение, кто-то набежал на нее и толкнул носом в руку. Колбаса откатилась, а потом вдруг исчезла. Гавр вроде бы ее и не ел, но почему-то облизывался.

Рина, забыв об усталости, принялась за ним гоняться, что Гавру понравилось. Мало того что накормили, еще за тобой и побегали. Сашка набирал мелкие камешки и выстреливал их указательным пальцем, выбирая небольшие цели вроде высохшей ягоды на шиповнике.

– Мелкие камни надо метать так, чтобы попадать в глазное яблоко врагу! – сказал он.

– А из пращи не лучше? – спросила Рина.

Сашка задумался. Потом вытащил телефон и что-то бормотнул в диктофон. Рина разобрала только слово «праща».

«Ну все, – подумала она. – На две недели теперь у него есть занятие!»

Сашка всегда выполнял то, что задумал, отличаясь этим от Риной, которая задумывала столько, что выполнить было невозможно и двадцатой части. Правда, и мечты у нее были соответствующие: «завоевать мир», «предложить себя англичанам вместо старенькой королевы», «нырнуть за Вторую гряду» и другие такие же.

– Да, кстати! – о чем-то вспомнив, Рина сурово наморщила лоб. – У меня был скелет мыши. Лежал в холодильнике в банке из-под меда. Я хотела отлить с него гипсовую форму, но он исчез. Ты не брал?

– Я – нет, – сказал Сашка. – Но холодильник один на весь этаж. Ночью кто-то мог захотеть меда и спросонья... э-э...

– ...неверно оценить эстетическую составляющую! – подсказала Рина и, жалея, что не взяла с собой ноутбук, стала печатать на смартфоне, чтобы не потерять хорошую деталь, которую потом можно было вставить в книгу. Попутно она потирала лоб пушкинским кольцом и размышляла о том, что будет, если к человеку, воображающему себя Бонапартом, подойти и представиться: «Здравствуйте, император! Я ваш маршал Ней! Пришел обсудить диспозицию сражения!» Как он себя поведет? Будет обсуждать диспозицию или бегать по палате и вопить «Заберите от меня этого психа!»?

Не найдя ответа, она спросила об этом у Сашки.

– Лучше пусть скажет: пришел Кутузов бить французов, – предложил Сашка.

– Нет, «Кутузов» говорить опасно. Еще подерутся. А вот с Неем или Даву можно дружить. Ну при условии, что они хотя бы приблизительно знают, что такое Аустерлиц, Ватерлоо или хотя бы сражение под Смоленском, – сказала Рина, снова уже лежащая на траве.

Сашка прилег с ней рядом и тоже стал смотреть. Небо было какое-то невероятное. Если мысленно перевернуть его, оно превращалось в озеро, по которому кто-то пустил плавать множество тополиного пуха.

– Там Большая Медведица. А где-то там сейчас Венера и Марс! – Сашка уверенно показывал на тучи.

– Я ничего не вижу!

– Ты просто верь, что они есть! Со дна колодца звезды видны даже днем.

– Просто верь, – повторила Рина. – Да я и без колодца верю. Но как же трудно верить, когда ничего не видно!

Кентавр Рины опять осветился и слабо замигал.

– Ты знаешь азбуку Морзе? – спросила Рина, пытаюсь обнаружить в моргании нерпи какую-то систему.

– Не особо, – сказал Сашка, чтобы не говорить «нет». Рина отлично знала это его «не особо». Спроси его про японский язык, и окажется, что и с ним у Сашки «не особо».

Рина решительно встала:

– А Кавалерия знает. И Меркурий тоже... Может, что-то случилось? Давай я вернусь на Гавре! А ты телепортируйся!

– У меня нет нерпи, – напомнил Сашка.

– Я дам тебе свою.

– И сама останешься без гепарда. И без седла, кстати, тоже!

Рина нахмурилась. Она забыла, что Гавр не оседлан.

– Он и так меня слушается!

– Да? Тогда попроси его принести вот эту шишку и положить ее рядом с тобой!

Сашка нашарил на траве шишку и бросил ее так, чтобы Гавр видел, куда она упала.

– Что, просто принести и положить рядом? – не очень уверенно повторила Рина.

– Да. И спокойно отойти в сторону.

Рина откашлялась:

– Гавр! Апорт!

Гавр, не интересуясь шишкой, засовывал нос в мышиную нору и поскуливал от нетерпения.

– Гавр!!!

Гавр неохотно потащился к шишке. По дороге он то и дело оглядывался, проверяя, не сбежала ли мышь. Подошел к шишке, понюхал и опять кинулся к норке.

– Это потому, что ее бросил ты! Он тебя не уважает! – нашла причину Рина.

Подняв шишку и приблизившись, чтобы показать ее Гавру, она незаметно коснулась его шеи гепардом. Мысли Гавра прыгали как зерна в жужжащей кофемолке. В центре же всего была мечта о жирной мыши. Рине несложно было подменить шишку на мышь. Не шишка сейчас полетит по воздуху, а выскочившая из норы мышь... Вот она выглядывает, вот...

– Ай! Что ты делаешь?!

Гавр заскулил, взвился на метр и в воздухе ухитрился раскинуть крылья. Зубы его с хрустом разгрызли шишку, которую Рина даже и бросить не успела – только откинуть от себя, чтобы не остаться без пальцев.

Сшибленная с ног, Рина лежала на земле. На нее с брюха Гавра осыпался песок, в то время как сам Гавр страстно дожирал шишку и по мере того, как дожирал, на его морде отражалось недоумение.

– Нет! – сказал Сашка. – Не надо мне твоей нерпи. Я сам дойду. Пусть ряды наши немножко поредели! Я не пропаду. Если что – заночую на дереве, а воду вскипячу в кроссовке.

– И как, интересно?

Сашка смутился, жалея, что привел неудачный пример.

– Ну, для этого кипяtilьник нужен, а так – запросто, – сказал он.

Рина села на Гавра и, крепко обхватив его за шею, коснулась кожи гепардом. Теперь она не спешила. Увидела его мысли, увидела свои – и стала постепенно смешивать оба потока. Спустя несколько мгновений Гавр перестал выкапывать мышь и озабоченно вскинул морду, точно вспомнив о чем-то крайне важном. Перешел на легкий бег, раскинул крылья, с силой оттолкнулся задними лапами и взлетел. Летел он торопливо и целеустремленно. Рина, посмеиваясь, представляла себе другую гиелу, которая отрывает заветную косточку, зарытую Гавром под его сараем. Вот она сладостно обнюхивает ее, вот с треском разгрызает и произносит: «Спасибо тому наивному дурачку, который хранит такие ценности вне стен государственного банка!»

Гавр негодующе заскулил и, пылая жаждой мести, заработал крыльями вдвое быстрее. Рина же неожиданно ощутила, что у нее неудержимо капает слюна и что она сама готова вцепиться в кость. Сильное желание гиелы передавалось и человеку. Вот она – опасность смешения сознаний!

Километры, отделявшие овраг у лесничества со ШНЫром, Гавр пролетел рекордно быстро. Причем последние несколько сотен метров, снизившись, крался почти над вершинами. Рина вначале не понимала зачем, а потом сообразила, что Гавр не хочет попасться на глаза похитителю косточек. Собирается подобраться к нему внезапно, пока тот не скрылся.

Рина попыталась переключить мысли Гавра на что-то более мирное. Теперь ей было уже неловко, что она его обманула. Принялась осторожно внушать ему, что никаких косточек нет. Однако Гавр почему-то не успокаивался. Напротив, сев на землю, стряхнул с себя Рину и пополз, подбираясь к сарайчику на брюхе. Рина шла за ним, что-то успокаивающе бормоча.

Гавр продолжал красться. Он дрожал от нетерпения. Шерсть стояла дыбом. Неожиданно он сорвался с места и ринулся к сарайчику. Обогнул его стену, закрывавшую Рине обзор, и Рина услышала щелканье зубов и звуки грызни. Скользя по мокрой траве, Рина взбежала на пригорок, толкнулась ладонями в стену сарайчика и выскочила из-за него. Гавр, вцепившись в загривок еще какой-то гиеле, катился вместе с ней в овраг. Внизу же произошло нечто странное.

Гавр, который был крупнее и явно сильнее, внезапно выпустил гиелу и с некоторым смущением отступил.

Вторая гиела, рыча, вскочила. Мельче Гавра, песочного цвета, с белым пятном на морде и очень худая, она, кинувшись, попыталась схватить Гавра за горло. Гавр отпрыгнул. Зубы гиелы щелкнули вхолостую. Уши у Гавра были прижаты и зубы продолжали скалиться, но все же вся грозность из него куда-то улетучилась. Он выглядел скорее растерянным, и другая гиела это прекрасно понимала. Она еще раз щелкнула зубами, взлетела на пригорок и вцепилась в открытое из-под сарайчика коровье бедро. Это была прекрасная кость, такая массивная, что у Рины имелся, помнится, соблазн сделать из нее палицу.

Гавр с тоской смотрел на расхищение своих сокровищ.

«Мама! Я угадала! Этого не может быть!» – подумала Рина.

Видимо, она подумала это вслух, потому что незнакомая гиела вдруг вскинула морду и без предупреждения кинулась на Рину. Их разделяли шага четыре. Рина осознала, что обречена. Укус гиелы смертелен. Все что она успела – это выставить перед собой руки. Гиела, сбив ее с ног, потянулась к горлу.

«Все!» – подумала Рина, но неожиданно точно пушечное ядро врезалось песочной гиеле в бок. Кувыркаясь, она слетела с Риной и, жалобно поскуливая, скатилась с пригорка. Над Риной, защищая ее, навис Гавр.

Рина встала, переводя дыхание. Она даже не успела толком испугаться, и страх приходил только сейчас. Колени затряслись, все тело стало ватным.

Гиела вскочила, оцетинившись, схватила валявшееся неподалеку бедро и взлетела с ним вместе. Бедро было тяжелым, поэтому воровка летела несколько боком, вынужденная неудобно задирать морду. Гавр и Рина провожали ее глазами. Потом Гавр жалобно завыл, навеки прощаясь с костью.

– Постой... – сказала Рина. – Ты не тронул ее не потому, что испугался. Это была самка, правда?

Гавр перестал выть и покосился на Рину, будто понял, о чем она говорила.

– Да, – продолжала Рина. – Я сообразила, откуда она взялась. Это та песочная гиела, которая тогда сбросила берсерка... Смотри-ка, как она исхудала! И от седла избавилась.

Гавр отвернулся и снова не то залаял, не то завыл.

– Не волнуйся!.. Мне кажется, она еще придет. Ты богатый жених. У тебя куча косточек и Суповна в тещах. А она уже поняла, что тебя можно раскулачивать!

* * *

До ШНыра Рина добралась примерно за час до ужина. Кавалерии не было ни в кабинете, ни в аудитории. На всякий случай Рина заглянула в столовую. Дежурная пятерка накрывала на стол. Кухонные Надя и Гоша, вооруженные длинными, съеденными многочисленными заточками ножами, стояли у стола, на котором лежал дополнительный хлеб. Кстати, этими же ножами в ШНыре резали и хозяйственное мыло, чтобы одного куска хватало на две раковины. Наде и Гоше помогал Макар. Помощь его частично выражалась в том, что он раскладывал хлеб по тарелкам, а частично в том, что незаметно опускал часть хлеба в свои необъятные карманы. Причем охотился преимущественно за горбушками.

Рина подошла к Наде, собираясь спросить про Кавалерию, но не спросила. Разговор, который вели между собой Надя, Макар и Гоша, показался ей интересным.

– Если бы я решил быстро и успешно жениться, я знакомился бы не с девушкой, а с ее мамой и бабушкой! И познакомился бы получше. В режиме нагрузки и стресса, так сказать, чтобы выползли все тараканы, если таковые имеются, – авторитетно рассуждал Гоша.

Макар хохотнул, и еще одна горбушка исчезла непонятно куда.

– А с девушкой? – спросила Надя.

– Если бы понравились бабушка и мама, то понравилась бы и девушка... Только девушки этот фокус знают и прячут своих мам и бабушек как можно дальше.

Проще с президентом страны увидеться, чем заставить девушку, которая тебе нравится, показать ее маму!

– Да ты что! Прямо в самую точку! – воскликнула Надя, всплескивая руками.

Гоша довольно надулся и заработал ножом.

– Не верь ей! – шепнула ему Рина. – Она над тобой издевается. Знает, что ни один мужчина не почувствует иронии, когда ему скажут: «Да ты что! Прямо в самую точку!»

Гоша перестал резать хлеб. Зато теперь оживился Макар. Он уже украл все горбушки, и теперь его мыслительный аппарат освободился для абстрактной болтовни.

– А с мамой познакомиться? – спросил он у Нади.

– Да зачем тебе с патологоанатомом знакомиться? Познакомишься еще, – резонно отвечала Надя.

– А с папой?

– А вот с папой – легко. Он больше в прокуратуре не работает. Писанины много, говорит. Теперь он ловит карманников на Филевской линии, – сказала Надя.

Лицо у Макара вытянулось, и он отодвинулся бочком.

– Кавалерию видели? – спросила Рина.

Надя с Гошей ответили, что недавно она здесь пробегала, а где сейчас, не знают. Тогда Рина отправилась в Зеленый лабиринт, чтобы зарядить нерп. В лабиринте она проблуждала минут двадцать, неверно повернув в одном из сомнительных мест. Рина уже приготовилась звать на помощь Алису, зная наперед все, что от нее выслушает, когда стена кустарника раздвинулась и перед ней открылся каменный фонтан.

Кавалерия на корточках сидела перед главной закладкой и пристально смотрела на нее. Причем делала это через дополнительные очки, от которых у нее дико уставали глаза и которые извлекались лишь в самых важных случаях.

Рина сделала несколько осторожных шагов и остановилась, понимая, что ближе закладка ее не подпустит. Как и прежде, она могла бежать к ней, не ощущая преграды, но при этом оставалась на месте. Фигурки на нерпи засияли, но все же Рине показалось, что заряжалась нерпь медленнее, чем обычно... Но додумать она об этом не успела. Кавалерия вскинула голову.

– Это вы меня искали? – спросила Рина.

– Это я тебя искала!

– Мы с Сашкой ушли в поход. Вы были в нырке, ну мы и не предупредили. Не сердитесь?

Кавалерия сдула со лба челку. У нее существовало три стадии раздражения: вздрагивание косичкой, сдувание челки и закрывание глаз. Сдувание челки – это было еще терпимо. Не шторм, а лишь волнение на море.

– Сержусь. Но, кажется, я уже говорила: самое большое искушение второй половины жизни – это праведные вопли. Человек уже усвоил для себя, что правильно, что неправильно, что ведет к цели, что уводит в сторону, и его ужасно раздражает малейшее расхождение с этим его пониманием.

Кавалерия оглянулась на закладку.

– Подойди! – велела она Рине.

– Я ближе не могу...

– Тогда обойди закладку и остановись примерно за моей спиной... У тебя же хорошее зрение?

– Прекрасное.

– Это не всегда удобно, – сказала Кавалерия. – Вот я, например, когда не хочу кого-то видеть, просто снимаю очки, и все. Самое вращее, самое противное лицо становится просто милым красным шаром или не менее милым белым овалом...

Рина сдвинулась по кругу. Кавалерия повернулась боком, чтобы не загромождать ей закладку:

– Видишь эту трещину на камне? Раньше ее не было. Идет от самого верха закладки и примерно до ее середины.

Рина всмотрелась. Если сколотый, с причудливой резьбой камень можно было сравнить с неправильным, неидеальной формы яблоком, то рассекавшая его трещина походила на надрез. словно кто-то провел по яблоку невидимым ножом, разрезал его до половины, потом убрал нож, и... собственно, все.

– Или не убрал нож! Потому что трещина увеличивается! – договорила Кавалерия.

Рина испуганно вздрогнула. Она точно знала, что не говорила про яблоко вслух.

– Она увеличивается, и закладка теряет силу. Ты заряжала сейчас нерпъ. Почувствовала что-нибудь?

– Вроде медленнее как-то, – неуверенно отозвалась Рина.

– Точно. Гораздо медленнее, я бы сказала. И защита ШНыра ослабела... И магия Зеленого лабиринта в целом... Здесь все зависит от закладки.

– Почему камень треснул? – спросила Рина.

– Не разобралась еще.

– Но эта трещина совсем узкая!

– Узкая, но глубокая. И чем она глубже, тем сильнее конфликт между частями. Правая часть, как видишь, больше, поэтому совсем закладка не ослабеет, но остаток будет очень невелик. Какое-то время его будет хватать на зарядку

нерпей и лабиринт, но внешняя защита ограды постепенно исчезнет. И вообще для ШНыра этого недостаточно. Здесь же еще и подземная часть, и куча всего, на что используется энергия... Я даже сама не смогла бы перечислить: ведь все создавалось столетиями.

– И что делать? Может, склеить как-то? – спросила Рина жалобно.

Кавалерия невесело усмехнулась:

– Точно. Лучшим суперклеем. Купить тюбиков двадцать-тридцать. Я тоже думала об этом, как ни странно... Нет, с закладкой такие опыты не проходят. Когда заколачиваешь крышку пороховой бочки, лучше не использовать раскаленные докрасна гвозди.

– Тогда как будем выкручиваться? – спросила Рина, разглядывая трещину.

Кавалерия же смотрела уже не на трещину, а на Рину, и по-прежнему через самые зоркие свои очки.

– Кто знает, – пожала плечами она. – Жизнь полна чудес. Порой и зло обращается к добру. Быть может, вскоре будет найдена новая, полная свежих сил закладка и с нее начнется история обновленного ШНыра?

Глава третья

«Я пил без ягодки»

Дружба – очень сложный живой организм, вроде цветка на окне. Его надо все время поливать, рыхлить, переставлять на солнце, отщипывать желтые листочки. Или она завянет.

Дополнение к «Кодексу шныра»

Ул и Яра перебрались в комнату, которую отдала им Суповна, во вторник. Несколько дней до того Ул делал ремонт: красил, штукатурил, клеил обои, стелил линолеум, менял смесители, заказывал стеклопакеты. Деньги на материалы дала Суповна, да и остальные сбросились кто сколько мог. Кузепыч привез и долго выгружал из багажника рубанок, электролобзик, две дрели, шуруповерт, всякие ножички, плоскогубцы, отвертки. Прыгали в майонезных банках саморезы. Сквозь прорвавшуюся оберточную бумагу тускло поблескивали гвоздики.

– Все с возвратом, пнистый якорь! Тут редчайшие вещи есть! Хоть бы эти щипцы! Не знаю, зачем они нужны, но небось еще царя-батюшку видели! – сказал Кузепыч, как видно испытывая жалость, что приходится со всем этим расставаться.

Соседи Ула и Яры – пьющая, довольно назойливая пара, уже дважды занимавшая у Ула деньги, – при виде Кузепыча присмирели. Только что они явно с прицелом на то, чтобы занять в третий раз, ныли, что Ул привез с собой тараканов. На деле же тараканы повылезали, когда Ул выкорчевал на кухне прогнившую мойку, за которой у тараканов размещался штаб. Кузепыч сурово посмотрел на соседей и, отдуваясь, круглым животом загнал их в комнату.

– Не буди во мне завхоза, а то после не убаюкаешь! Вы с культурой – и вам добро натурой! – предупредил он.

– А тараканы? – пискнули из-за двери.

– Все будет! – пообещал Кузепыч.

Он вернулся на кухню и почти с нежностью заглянул за мойку.

– Ишь! Копошатся! А вообще, замечая я, нынче тараканы редкость. Яды, что ли, сильные стали?

Ул разложил на газете инструменты и деловито осмотрел их, как полководец озирает рать перед боем.

– Говорят, из-за вай-фая, – сказал он. – Ориентировка у тараканов на тех же волнах. И вот я все думаю: а нельзя использовать тараканов как Wi-Fi-модемы? Или там звонить на таракана как на мобильник? Если таракан правой ножкой дергает – это мне Кавалерия звонит. А если левой – то, допустим, Яра!

Никто не верил, что за такой короткий срок можно все начать и закончить, но оказалось, что очень даже возможно. Помогали Улу Макс, Родион и Афанасий. От Родиона помощь была реальная. Он и в электрике разбирался, и кафель класть умел. Макс был полезен тем, что охотно таскал тяжелые грузы. В одиночку выволок на свалку старую ванну, например. В одиночку ходил в строительный магазин за смесями. Афанасий же мешался под ногами и все искал, к чему бы ему приложить усилия.

– Я вывинтил все старые лампочки! – сообщал он Родиону.

– Зачем, позволь тебя спросить?

– Ну как же? Они же не горели!

– Я проводку обрезал! Завтра буду другую тянуть! А лампы были не старые, а новые! – рычал Родион.

Афанасий, смущаясь, что-то мычал и опять начинал бродить без дела. С большим удовольствием он вообще устранился бы от ремонта, но считал необходимым выплатить все оброки дружбы.

– Может, я посверлю что-нибудь? – предложил он.

– Что-нибудь сверлить не надо! Оно может еще пригодиться, – мягко ответил Ул, отбирая у Афанасия работающую дрель, которую тот направил прямо себе в ногу. – Лучше вот! Возьми кусок поломанного плинтуса и повыдергай из него гвоздики.

– А это нужное дело? – усомнился Афанасий.

Ул заверил, что дело самое нужное, и принц без королевства, усевшись на подоконник, занялся гвоздиками.

– Хороший тут вид из окна! – сказал он, чтобы не молчать.

Родион, возившийся с выключателем, специально встал, чтобы посмотреть. Виден был поворот дороги, ведущей к шоссе, и кусок автобусной площади. На веревках между домами сушилось чье-то белье.

– Вид паршивый, зато место для пулемета отличное. Тут можно полроты положить, пока огневую точку подавят, – сказал он.

Достав два гвоздика, третий гвоздик Афанасий загнал себе в палец, и его отправили в аптеку за перекисью. Минут десять спустя с пальцем, на котором красовался новенький пластырь, и с тихой радостью, что можно немного отдохнуть от помощи, он сидел на автобусной остановке и думал о Гуле, что вот она страшненькая, но настоящая. Подумав о Гуле, что она страшненькая, Афанасий испугался этой мысли. «Почему, почему я подумал о ней так? Но ведь подумал же!» Но то, что Гуля была страшненькая, не мешало Афанасию жалеть ее, а может быть, и любить. В общем, все как-то перепуталось у него в мыслях, да еще и палец дергало.

Рядом остановилась черная «Шкода». Из нее вылез молодой человек и, покачиваясь на ходу и кренясь вперед, точно он был парус, подгоняемый ветром, скрылся в магазине. Афанасий посмотрел на заднее стекло «Шкоды» с наклейкой на нем с белыми крупными буквами «Никто не будет любить тебя больше мамы!». В этих словах чуткое ухо Афанасия угадало хорошо упрятанную истерику, хотя хозяина машины он не знал и история его взаимоотношений с мамой была ему неизвестна.

Афанасий встал и, вздыхая, поплелся к Родиону, Улу и Максусу. Несмотря на помощь Афанасия, выражавшуюся в том, что он наносил себе раны всевозможными инструментами, проливал клей и уронил включенную дрель в ведро с краской, ремонт продвигался быстро.

Во вторник приехала Яра. Остановилась на пороге в джинсовом, чуть коротковатом ей комбинезоне для беременных с огромной пуговицей, как у Карлсона на животе. Ул высунулся из шкафа с шуруповертом в руке, который держал дулом вверх, точно пистолет-пулемет.

– Ну как? – спросил он с ожиданием похвалы. – Красота? Помнишь, что было здесь до ремонта?

– Еще бы не помнить! – сказала Яра. – Милая такая комнатка, с геранькой на окне! Кстати, надо сделать какой-нибудь крючок, вешалочку какую-нибудь. Раньше же был крючок, а теперь его нет.

Ул хмыкнул. Вот они, женщины. Скажи им, что этими самыми ручками, вооруженный лишь ржавым ножом, ты отдираешь старую краску от стен на площади в двадцать квадратных метров, они ничего не поймут. А вот что нет крючка, заметят сразу.

– Нет, ты молодец! – сказала Яра, подкрепляя свою похвалу поцелуем. – Фу! Что у тебя за духи? Мужской какой-то одеколон?

– Афанасий меня дустом для тараканов побрызгал. Ручки беспокойные. Так и тянет их на все нажимать.

– Для тараканов или от? – уточнила Яра.

Этого Ул не знал. На дусте был нарисован таракан и что-то написано по-иностранному, видимо таракано-угрожающее. Но тараканы были отечественные, по-заграничному читать не умели и дуст их скорее привлекал, чем отпугивал.

– А мы читали в электричке кодекс ШНыра! – сказала Яра и погладила себя по животу. Живот отозвался, толкнувшись наружу скрытой в нем маленькой пяткой.

– И как?

– Слушал! Не перебивал! – довольно сказала Яра и опять стала приставать по поводу крючка.

Потом спохватилась, что уделила Улу мало внимания и обижает его этим. Подошла и прижала к себе его голову. На макушке у Ула обозначилась маленькая проплешинка. Сейчас она была почти незаметна, но лет через десять-пятнадцать... Яра вздохнула.

– Ладно, буду протирать тебя тряпочкой! Ты же и есть Златовласка? Да, мой лысик? – спросила она, целуя его в проплешинку.

В среду запах краски стал терпимым, в четверг даже приятным, в пятницу его уже перебила вонь пригоревшего соседского молока, а в субботу праздновали новоселье.

Самый трудный момент – соседей – взял на себя Меркурий Сергеич. Не пригласить их было нельзя. Они бы обиделись. А если пригласить – они бы все испортили. Поэтому еще с утра, задолго до того, как начали собираться первые гости, Меркурий негромко кашлянул у соседских дверей и вошел к ним. А еще через пять минут вышел назад.

– Устали. Спят. Проснутся. Завтра, – сообщил Меркурий кратко.

– А ты с ними пил? – спросил Кузепыч.

– Я пил без ягодки, – ответил Меркурий. В сумке у него звякнула бутылка, в которую для вкуса была положена одна красная ягодка с двушки.

В тот день в Копытово, в квартирке Суповны, собрался весь ШНыр. Было не просто тесно, а так, что заполнились и единственная комната, и коридор, и кухня. Конечно, проще было бы отпраздновать в самом ШНыре, но тогда получилось бы, что Яра не сможет присутствовать.

– А может, без Яры? А че такое? Потом ей принесем хавчика! – предложил Макар.

Все молча уставились на него. Сообразив, что вякнул не в кассу, Макар покорно утих, но ненадолго. Ему пришло в голову, что раз идут на новоселье, то нужны подарки.

– Яре – духи, а Улу – шоколадку! – сказал он.

– Мужчине шоколадку не дарят, – оспорил Кирилл.

– Тогда розы!

– И розы не дарят. Дарят или деньги, или оружие.

– Оружия у него навалом. А денег у нас нет, – сказала Лена.

– Значит, шоколадку! – твердо сказал Макар и, чтобы было совсем удивительно, даже ее купил.

Как человек, подаривший хозяину шоколадку, Макар вел себя очень навязчиво. Пришел на новоселье задолго до назначенного времени, один съел почти всю курицу, влез рукой в салат и испортил новый электрический чайник, пытаясь доказать Улу, что на раскаленной спирали пустого чайника можно приготовить яичницу. Снижая вредоносность Макара, его отправили назад в ШНыр, попросив присмотреть за Витярой. Витяра был уже вне опасности, но настолько слаб, что хоть и решался иногда вставать с постели, но дойти до окна ему казалось подвигом. Он так и считал свои прогулки: от кровати до двери – маленький променаж. От кровати до окна – большой поход.

Около полудня явилась кухонная Надя, присланная Суповой на помощь. Надя немедленно стала царствовать на кухне, трогая двумя пальцами то один, то другой предмет и задавая очевидные вопросы: «Зачем вы положили посуду в мойку?», «Этой ложке обязательно быть грязной?», «Почему соль мокрая?» и так далее.

Несмотря на риторические вопросы Нади, стол быстро обставлялся блюдами.

Вскоре стали собираться и остальные гости. Первыми, не считая Макара, которого к тому времени давно уже не было, пришли Окса с Вовчиком.

– Дорогие Олег и Ярослава! В этот торжественный день... – начала Окса.

– Кошку! – перебил Вовчик.

Окса пнула его ногой.

– ...торжественный день мы хотим... – продолжала она.

– Кошку они хотят! – снова повторил Вовчик и вытащил из-за пазухи котенка. Котенок был с виду довольно грязный, но украшенный ленточкой.

Яра поблагодарила.

– Какое чудо! – сказала она.

Через пять минут после Оксы и Вовчика явились Наста и Рузя с вверенным их попечению дракончиком. Наста была на костылях, уставшая и недовольная. Кость срасталась неправильно. Лехур дважды уже пытался вернуть Насту в больницу, где за ней наблюдали бы хорошие ортопеды, но она отбивалась, как сама говорила, всеми уцелевшими руками, ногами и костылями. Постоянно раздражаясь, Наста то и дело срывалась на Рузе, потому что на ком еще срываться, как не на том, кто все время рядом.

– Я жалею, что с тобой связалась! – вопила Наста, когда видела, что Рузя незаметно подбирается к ней с очередным бутербродиком или куском курицы в фольге.

– Ты не кричи! Ты поешь! Тогда и сил кричать будет! – вкрадчиво отвечал Рузя.

И Наста сдавалась. Она знала, что, мягкий во всем прочем, Рузя ни за что не отстанет, пока она не сжует этот злосчастный бутерброд.

– Я жнаю, жто ты хочешь! Жтобы я была толстая как бочка и никому не нужна! Ты это сожнаешь или это проходит мимо твоего сожнания? – убито повторяла она сквозь забивавший ей рот кусок полукопченой колбасы.

Рузя с умилением кивал и доставал бутылочку с йогуртом или термос с чаем.

Сейчас Наста строго воззрилась на Рузю и, ткнув в него пальцем, велела:

– Давай сюда подарок! Ты его не потерял?

Рузя залез в рюкзак, извлек руку, зачем-то с ужасом понюхал пальцы, затем опять, уже с некоторым страданием во взгляде, вернул руку в рюкзак и достал котенка. Котенок был как две капли воды похож на того, что подарила Окса,

только не имел ленточки.

– С новосельем, короче, вдовы! – сказала Наста.

– Спасибо! – поблагодарила Яра. – И за котенка, и за пожелание!

После Насты толпой пришли Сашка с Риной, Влад Ганич, Фреда и Кирилл. В руках у Кирюши был котенок, отличавшийся от двух первых пятном на носу и тем, что он непрерывно мяукал. На шее у котенка была черная бабочка на резинке, снятая, судя по некоторой незавершенности костюма, с Влада Ганича.

– В наш век мертвенных подарков из области бытовой техники, в век прагматических отношений и всеобщего равнодушия ничто не может согреть душу сильнее, чем маленький и пушистый комочек жизни... – торжественно начала Рина, сигнализируя Кирюше глазами, чтобы он не отходил далеко с котенком.

– О! – завопила Наста. – Старый знакомый! Мы тоже хотели сперва этого поймать, но он под мусорный бак залез! Я костылем стала шарить – не вылезает! А там такая грязь, ну мы и взяли другого. А вы его чем подцепили? Или он сам вылез?

Яра вежливо улыбнулась.

– Там еще много котят? – спросила она у Насты.

– Три штуки было и мамаша, но гостей еще много впереди. Думаю, и мамашу тоже подарят, – предположила Наста – и не ошиблась. Подарили и мамашу, воссоединив тем самым семейство. Кроме мамыши подарили еще двух дворняг, которые, с воим вырвавшись, убежали, скамейку из парка и новую железную урну в форме распахнувшего клюв пингвина. Прежде она, кажется, стояла у магазина.

– Это вандализм! – сказала Кавалерия и велела отнести все обратно.

Родион с Максом, не споря, ушли относить, но вернулись подозрительно быстро. Кавалерия сдвинула было брови, собираясь разбираться, но тут появился Даня. Он прихрамывал и вид имел поцарапанный.

Кавалерия сразу забыла про похищенную урну и уставилась на него.

– На тебя что, ведьмари напали? – спросила она.

– Ни в коем разе, – ответил Даня смиренно. – Я был злодейски загипнотизирован велосипедом. Кстати, вашим. Но вы не переживайте. Велосипед не пострадал. Пострадало только устройство для кручения педалей. То есть я.

Обстоятельства же падения были такие. Даня мчался по лугу, глядел на переднюю шину – и происходило чудо. Ему казалось, что рисунок протектора останавливается и начинает двигаться в противоположную сторону. Даня знал, что это такой зрительный эффект, но все равно не мог оторваться и смотрел, смотрел, смотрел, пока не заехал передним колесом в кусты. Не успев затормозить, спрыгнул с велосипеда, поцарапал себе о ветку веко и дальше шел уже пешком, сердито катя велосипед за руль и плача раненым глазом.

Самое забавное, что Дане и бетонная стена не повредила бы, но для этого ему требовалось сперва перейти в призрачное состояние. Даня же не настолько еще освоился со своим даром, чтобы делать это мгновенно.

– В ШНыре все в порядке? – спросила Кавалерия.

– В целом да, – ответил Даня несколько уклончиво.

Кавалерия знала, когда надо начинать волноваться:

– А не в целом?

– Не в целом у вас в кабинете ветром распахнуло окно. Бумаги раскидало. Хорошо, Макар вызвался помочь. Пообещал, что приберет все упавшие вещички.

Влад Ганич тихо хрюкнул в салат. Фраза «Макар прибирает упавшие вещички» вызвала у него целый поток ассоциаций.

– Какие еще «упавшие вещички»? – медленно сказала Кавалерия.

– Ну стеллаж же опрокинулся.

– Пять баллов, – сказала Кавалерия глухо. – И ты молчал? Велосипед у подъезда? Прекрасно. В таком случае я поехала оплакивать осколки. Ул и Яра, продолжайте веселиться! Да здравствует новоселье!

И она уехала.

– И что нам теперь делать? – спросила Яра.

– Ты же слышала! Продолжать веселиться, – сказал Родион и передал Насте гитару.

Доверив свои костыли верному Рузе, Наста пробежала пальцами по струнам, пробуя звуки.

– Она настроена, – сказала Яра немного ревниво, потому что это была ее гитара.

– Она настроена под тебя, – возразила Наста. – И потом я ее не настраиваю. Я с ней просто знакомлюсь.

Однако Наста не просто знакомилась. Казалось, она приручает гитару с той ласковой властью, с которой хитрая гостья наглаживает чужого кота. Не прошло и десяти минут, а гитара, расторгнув все прежние связи с Ярой, уже полностью принадлежала Насте – всеми звуками, струнами, грифом.

А потом Наста запела. Голос у нее был хриловатый, глубокий, проникающий до глубин души и уводящий за собой. Все застыли как замороженные, и только бесчувственный Макс изредка вертел головой и почесывался. Правда, даже на него пение, видимо, влияло, потому что он стеснялся жевать, зная, что у него щелкают челюсти.

– Все. Надоело. Разучилась, – внезапно сказала Наста и, прервав пение на полуслове, швырнула Улу гитару так быстро и сильно, что, не поймай он ее, она врезалась бы в стену и разбилась.

– А по-моему, замечательно! Я всегда влюблялся в девушек, которые поют под гитару! – сказал Афанасий с некоторым смущением, потому что Яра ведь тоже играла, и теперь получалось, что он себя слегка выдавал. Хотя, конечно, это

была уже вчерашняя правда, даже позавчерашняя.

Наста вопросительно посмотрела на него.

– Ну да... влюблялся, – признал Афанасий. – Еще в школе все началось. Была у нас одна такая Оля. Дрожащая, воздушная, трепетная как фея. И вот она играет на гитаре, я смотрю на нее почти неживой, а она вдруг говорит таким тусклым голосом: «Чего уставился? Булавку в глазик воткнуть?» И в душе моей обрушивается мечта.

Макс захохотал как безумный. Афанасий тоже смеялся. Ему было не обидно. Эту девочку Олю он придумал только что. С ним такое случалось. Он выдумывал быстрее, чем успевал понять, что соврал. И такие придумки ложью не считал. Они выдыхались сами по себе, как рождается новая реальность.

После Насты запела Суповна. Пела она «Ветку» и «О рождественских розах», без гитары, вообще без всякой музыки, сложив на груди руки и чуть откинувшись назад. Большая, рыхлая, она сидела на стуле как поставленный на него мешок, и звуки песни, грустные и глубокие, текли точно сами по себе, будто не Суповна пела, а внутри у нее был заточен кто-то поющий, юный и прекрасный. Из соседней комнаты явилась соседка, невесть каким образом проснувшаяся раньше срока. Слушала и плакала. И испитое лицо ее с красным носиком и узелками на щеках казалось просветленным и обновившимся.

Когда Суповна замолчала, никто долго ничего не говорил. Любое слово тут было бы лишним. Только Кузепыч негромко крикнул и, не веря сам себе, покачал головой.

– Ты башкой не крути! Ты масла мне достань, а маргарин свой сам ешь! – сказала Суповна, но голосом не сердитым, а все еще согретым пением.

– Да-а-а, – произнес кто-то мечтательно. – Если бы у меня была поющая жена, я запрещал бы ей разговаривать. Разрешал бы только петь.

Все повернулись на голос и были поражены, потому что поняли, что произнес это Родион.

Салаты и прочая еда закончились очень быстро. Несколько раз бегали в магазин. Суповна переключалась на кухню и громыхала кастрюлями. Рядом, не осмеливаясь даже пикнуть, робко стояли Яра и красноносенькая соседка.

– Поварешка где? Соль! Крышку от сковородки! – командовала Суповна тоном хирурга, который требует зажим и скальпель. – Ложки где? Бардак! Во что превратили мою плиту!

Яра и соседка робко смотрели друг на друга.

Засидевшиеся шныры разбрелись по квартире и начали чудить. То и дело хлопала входная дверь. Балконную дверь даже не пытались закрывать. Сашка любовался Риной, по носу которой разбегались веснушки. Это были странные веснушки. Беспокойные, странствующие. Зимой они выцветали, весной возникали на щеках, а летом переползали на нос, где и селились живописными кучками.

– Я не встречал никого лучше тебя! – в восхищении шепнул Рине Сашка.

Рина мило улыбнулась.

– Надо же какое совпадение! И я не встречала никого лучше меня! – сказала она.

Ей хотелось развивать эту тему и дальше, но Сашку забрали двигать кухонный стол. Почему-то когда надо было двигать столы, всегда вспоминали о Сашке. Видимо, где-то на небе незримо прописаны обязанности каждого человека – прямые и дополнительные. И вот там кто-то написал карандашиком против фамилии Дудник – «переноска мебели».

Пришлось Рине странствовать по квартире в одиночестве. Выставив вперед ноги, Влад Ганич сидел на маленьком стульчике там, где дверь из коридора открывалась в ванную. Шнурки у него были развязаны, лицо трогательно-беспомощное. Одна из пуговиц на пиджаке болталась на нитке. Изумленная Рина открыла было рот, чтобы сказать ему об этом, но Лара, подойдя сзади, прошипела ей на ухо:

– Тшш! Не вздумай! Это он жену караулит!

– Какую жену?

– Заботливую. Посмотри на его хитрую физиономию! Как же! Рассеянного из себя корчит! Пуговицу оторвал, шнурки развязал и ждет, кто ему про шнурки скажет и пуговицу предложит пришить. Только она предложит, а он ее цап! – и на всю жизнь.

Рина осторожно переступила через вытянутые ноги Влада, опасаясь задеть хотя бы одну ловчую пуговицу. Влад обожал всякие психологические схемы, повышающие его значимость. Например, весь май он доставал по соцсетям одного известного певца. Наконец певец ответил ему «хм, спасибо!» и добавил его в друзья. Влад Ганич в ту же секунду выкинул певца из друзей и потом целую неделю показывал всем, что у него в подписчиках светило мирового уровня, дружбу которого он, Ганич, не разделил, поскольку не является его фанатом.

На лестничной площадке Фреда разговаривала по телефону с мамой, то и дело повторяя, что мама ведет себя безответственно. Кирюша залез в тумбочку, в которую вообще нереально было втиснуться. Но именно потому он и забрался, что никто не поверил бы, что такое возможно.

– Что, опять хронические попятунчики начались? – понимающе спросила Рина.

Все уже привыкли, что Кирилл вечно где-то прячется. То в большом баке на кухне, то в красном ящике для огнетушителей. Самым примечательным при этом было то, что Кирюшу никто не искал, а находился он просто в процессе пользования предметами. Пик успеха Кирилла пришелся на вчерашнюю ночь, когда он засел в душе в ластах и маске и с трубкой в зубах читал при свете фонарика журнал, поджидая девочек. Здесь его и застукал в три часа ночи Кузепыч, пришлепавший мыть ноги. Кирюше он очень обрадовался, поскольку с вечера еще искал, кому вымыть лестницу со второго этажа на первый.

Лене на руку сел комар. Чтобы никто его не раздавил, она накрыла его стаканом и смотрела, как он ест.

– Вылупятся комарята, и я буду для них папа, – проворковала она. – Они будут летать вокруг, целовать меня и пищать: «Папа Лена, папа Лена! Мы тебя любим!»

Кирюша высунулся из тумбочки:

– Ты психиатру не показывалась?

– Подыскиваешь компанию? Надеешься, оптом будет дешевле? – ласково спросила Лена.

– Не будет дешевле. Но почему ты «папа»?

– Потому что одна мама у комарят уже есть – комариха, а мачехой я быть не хочу!.. И вообще: психиатру меня показывали еще в Киеве, когда ко мне прилетела золотая пчела.

– И что он сказал?

– Он сказал, что у меня прекрасные волосы.

Выманивать Кирюшу из тумбочки Ул поручил Афанасию.

– Ты уж культурно как-нибудь, чудо былиин. А то я не выдержу и по шее ему дам. Яра вон огорчается, что нам мебель ломают, – объяснил он.

Афанасий успешно извлек Кирюшу из тумбочки, увел на балкон и, отвлекая от дальнейших попятунчиков, затеял с ним культурный разговор.

– Никогда не верь цитатам из Интернета! – сказал он. – Они все выдраны из контекста. В Интернете напишут: «Женщины не нужны. Л. Н. Толстой». А на самом деле он сказал что-нибудь вроде: «Женщине не нужны проблемы с вялыми типами, которые сами не знают, чего хотят». И вообще не Толстой это сказал, а, допустим, Пушкин.

Тут Афанасий смутился, потому что, придумывая цитату, нечаянно ляпнул нечто такое, что прямо относилось к нему самому. Выручило его то, что из комнаты со стены раздались мерные удары.

– Тихо! – закричал Ул. – Дайте послушать! Это же в первый раз!

Вместе с Ярой он стоял у стены. Новые часы, подаренные Меркурием Сергеичем, собирались пробить полночь. Два удара, четыре, шесть... После одиннадцатого удара часы вдруг замолкли и стрелка бессильно задергалась, натываясь на препятствие. В циферблате торчала вилка. Причем торчала так, что все три стрелки – и часовая, и минутная, и секундная, – зажатые между двух ее зубцов, были на цифре «двенадцать».

Яра вскрикнула.

– Шутки шутим? Кто это сделал? – с угрозой прорычал Ул.

Никто не признался. Ул стал проверять русалки. Русалки у всех оказались заряжены.

Когда все это случилось, Даня стоял у окна. В какой-то момент ему почудилось, что мимо него кто-то проскользнул. Цветы на обоях чуть смазались. В карман Дане скользнуло что-то холодное. Он пугливо накрыл это ладонью, потом осторожно вытащил. В руке у него было полированное, с неровными краями стеклышко, вставленное в металлическую рамку с цепочкой. К стеклышку была привязана записка:

«Завтра в десять вечера на «Китай-городе». Никому не говори. Прыгун возьми с собой».

С запиской в руках Даня шагнул к Меркурию, но тут ему пришло в голову, что тот, кто подбросил стеклышко с цепочкой, все еще может быть в комнате и наблюдать за ним. Даня остановился, поглаживая стеклышко пальцем. И чем больше поглаживал, тем сильнее сомневался, что надо что-то говорить.

«Ну а что тут такого? «Китай-город», десять вечера... Метро еще работает, народу полно. Если бы меня хотели схватить, придумали бы что-нибудь получше», – размышлял он.

Глава четвертая

Белый цветок с алой сердцевинкой

В последние годы я пересмотрел все свои ценности. Например, по какому принципу люди выбирают друг друга для доверия и дружбы? Раньше я считал, что по родственности ума и жизненных интересов, а теперь вижу, что скорее по степени чуткости и умения понимать слова до того, как они сказаны. Нужно не только слушать человека, но и слышать его.

Из дневника невернувшегося шныра

Лекции Вадюши были пыткой, но пыткой блестящей. Мозг он выносил по всем правилам педагогического искусства, но зато, если уж и ввинчивал в голову шуруп знаний, он оставался там навсегда. Поймать самого Вадюшу на незнании чего бы то ни было удавалось лишь Дане. Значительно реже – Фреде. Но и другие регулярно пытались. Вот и сегодня, исписав три страницы названиями старых улиц и переулков Москвы, где у шныров когда-то были закладки, Лара напрягла свой хрупкий мозг и, надеясь на передышку, спросила:

– А неприличный вопрос можно?

– Тебе, деточка, все можно! – умилился Вадюша.

– Вот вы говорите, что туда ходит троллейбус! Сколько винтиков на колесе троллейбуса?

Вадюша с нежностью посмотрел на Лару. Когда девушка так красива, ей можно простить даже утверждение, что колесо троллейбуса держится на саморезиках, а покрышка прилепливается жевательной резинкой.

– Задала вопросик? Отвечаю, хотя он и не по существу! Колесо троллейбуса держится с помощью болтиков. Максимально я видел десять... На старых моделях их обычно шесть.

Лара моргнула.

– Вы что, считали? Болтики? Троллейбуса? – изумленно спросила она, начиная говорить подробно, как Меркурий.

– Нет, – охотно отозвался Вадюша. – Просто представил несколько троллейбусных колес. Я фотографически запоминаю все, что вижу. Кстати, у тебя на коленке родинка или просто крошки от булки?

Лара опустила глаза.

– Ой! Кусочек шоколадки! Смешно, правда? – воскликнула она, пораженная, как Вадюша сумел это разглядеть, ведь колени ее были закрыты столом. Видно, шоколадкой она капнула себе на ногу еще до урока.

Разошедшийся Вадюша потребовал новых неприличных вопросов. Увы, их не оказалось. Творческий пыл Лары иссяк. Огорченный Вадюша отвлекся от троллейбусов и ушел в такие дебри, что даже умная Фреда потеряла нить. С Вадюшей такое регулярно случалось. Говорит, например, о первошнырах, и интересно говорит, а потом вдруг оседлает Канта и ускачет в дебри немецкой философии.

Извлекая Вадюшу из дебрей, Даня задал ему сложный вопрос, касающийся строения трех миров до момента, когда болото стало болотом. Как оно жило? Было ли похоже на двушку или на наш мир? Какова первичная разумная сущность эльбов? Ведь теперешние эльбы – это мутанты, приспособившиеся к своему изменившемуся миру, или нет?

Вадюша не стал даже пытаться отвечать.

– Ну это мы узнаем уже при новом ШНыре. Если, разумеется, доживем, – бодро заявил он.

– При каком еще новом ШНыре? – озадачилась Рина. Это выражение она слышала не впервые, однако всегда воспринимала его как риторическую фигуру... ну как если бы человеку, пожелавшему отправиться в тартарары, объяснили, что речь идет вообще-то о Тартаре, а Тартар – это, извините, товарищи, ад!

– При новом ШНыре, который наследует нашему ШНыру... Но начнем издалека! Это самый короткий путь! Существуют история древняя, история Средних веков, новая и новейшая история, – заворковал Вадюша, трогая себя в разных местах за животик, вмещавший немало кулинарных успехов Суповны. – И у ШНыра тоже были свои вехи. Наверняка вы уже слышали, что история ШНыра прерывалась. Случилось это в одночасье, когда погибли все оставшиеся первошныры, кроме Мокши Гая. Хотя Мокша и тогда уже был в некотором роде легендой, поскольку эльб, слившись с ним, сделал его бессмертным.

– Да знаем, – торопливо сказала Рина.

– Так вот! Историю ШНыра до этого момента, то есть до гибели первошныров, называют легендарной историей, или историей великих... Далее следует история среднего ШНыра. Вдвойне говорящее название, поскольку тогда вся тяжесть поддержания целостности нашего мира и охраны его от заболачивания легла именно на плечи средних шныров, знания которых тоже были очень средними, поскольку едва ли Мокша с ними поделился. Поэтому вся сложная магия и откочевала к Гаю, а через него в форт Белдо. Мы же для магии пользуемся максимум русалками, да и то не понимаем, как они работают. Да, дорогие мои двоечники! История, культура, практические навыки передаются только из уст в уста в случае, если нет письменных источников. Первошныры же... хм... как бы это сказать деликатнее, не уронив их авторитета... не вели систематических записей. Так, по строчке в год, на тему, что «татарове захвативша трех пегов, а те улетеша»... Они были как наш Меркурий Сергеич. Если на Меркурия – упаси, разумеется, двушка! – свалится балка в пегасне, то все его знания, которые он не успел передать ученикам, уйдут в лучший мир со скоростью курьерского поезда...

Вадюша полузакрыв глаза, мечтая, как на Меркурия Сергеича свалится балка, и это будет наказанием за то, что Меркурий во время их заточения на острове больше года заставлял его карабкаться по скалам за яйцами чаек и все попытки порассуждать о неблагодарности физического труда пресекал кратким «не бормочи!».

– А новый ШНыр? – спросила Рина.

Вадюша перестал щуриться:

– Легенда невнятная. Можно и так ее толковать, и эдак. Вроде бы Митяй предупреждал, что что-то может произойти с главной закладкой ШНыра, на которой все держится... И тогда единственное, что спасет ШНыр от гибели, – это великая закладка, которая находится на двушке и перенести которую в наш мир невозможно. Хорошенький поворот сюжета! Перенести невозможно, но она спасет! Все равно что сказать страдающему от хронической болезни: «Тебя спасет таблеточка, до которой ты никогда не доберешься!..» Ну все! Объявляю звонок!

Фраза «объявляю звонок!» стала в ШНыре хрестоматийной. Ею Вадюша обычно обозначал, что поток его красноречия иссяк и на сегодня попытка знаниями закончилась.

* * *

На другой день с утра Сашка, Рина и Фреда шли в Копытово полевой дорогой. Фреда шла помогать Яре с уборкой. Сашка же с Риной собирались отнести Гавру все пищевые отходы, которых должно было оказаться немало. Сашка рассказывал анекдот. Анекдот заканчивался фразой «Ну я пошла!» – сказала селедка».

Фреда долго смотрела на Сашку, пытаясь что-то осмыслить.

– «Ну я пошла!» – сказала селедка, – безнадежно повторил Сашка. – Понимаешь: пошла. Селедка пошла.

– И что тут смешного? У селедки же действительно нет ног! – с укором произнесла Фреда.

Рина предостерегающе толкнула Сашку локтем. Он что, забыл, что с Фредой нельзя шутить? Чувство юмора у нее отсутствовало начисто. И это был не недостаток, а особенность психики. Все шутки Фреда воспринимала буквально. Если сказать ей: «Я тебя убью!» – она могла шарахнуть из шнеппера. А что? Ей сказали, что убьют, – она приняла меры и защищалась. Слова «Я тебя съем!» она восприняла бы как угрозу каннибализма. И уж совсем было страшно представить, что произойдет, если какой-нибудь молодой человек в шутку скажет ей: «Я тебя обожаю!» Видимо, вернувшись вечером домой, он найдет на

площадке смиренно сидящую на чемодане Фреду, которая пришла к нему насовсем, – ну а что еще делать, раз тебе такое сказали?

Продолжая тему, мысль Рины унеслась в заоблачные дали и добралась уже до Фрединых внуков, которые звонят бабушке по телефону и учат ее жить (телефон, разумеется, уже какой-нибудь голографический, вшитый в ухо, как чип у коровы), но тут она внезапно спохватилась, что вертит на пальце пушкинское кольцо. Рина отпустила кольцо и вновь обнаружила себя на лугу рядом с Сашкой и Фредой.

– Эй! – окликнул ее Сашка. И, видно, не в первый раз уже окликнул. – Смотри! Обычно здесь никто не ходит.

Впереди на тропинке, довольно далеко еще, стояла одинокая фигура. Было совершенно очевидно, что фигура не просто так стоит, но и ждет их. Сашке это не понравилось. Насколько он помнил, никакого свидания они здесь не назначали.

– погоди, не спеши, – сказал он Рине, придерживая ее за плечо.

Фреда прошла метра три одна и оглянулась.

– А мне, стало быть, спешить можно? Я менее ценная? – поинтересовалась она.

– Нет, – успокоил ее Сашка. – Если на тебя нападут, у меня шнеппер. Я контролирую ситуацию.

Фреда презрительно хокнула:

– Очень мило! Он контролирует! Тогда пусти вперед свою Рину. И на мой шнеппер! Пали из двух во все живое!

– Да я не собирался!

– Да уж конечно! Где тебе?! И кстати, ты что, будешь стрелять в девушку? Потому что там вообще-то девушка стоит!

Сашка и сам уже разглядел, что фигурка на тропинке слишком грациозна для мужчины. «Фиа?» – подумал он со странным волнением. Но это была не Фиа, в чем он с облегчением убедился, приблизившись к ней шагов на двадцать.

– Привет! – сказала девушка, когда Сашка, шедший теперь первым, оказался рядом.

– Привет! – отозвался Сашка, настороженно разглядывая ее. Волосы пшеничные, на лице куча родинок, в мочках ушей сережки с голубым камнем. За спиной рюкзак, из которого торчат ласты.

– Вы шныры? Ну раз идете из ШНыра? – спросила девушка прямо и просто.

Рина с Сашкой переглянулись. О шнырах нельзя говорить просто так, если ты сам не шныр, не венд, не пнуец, не ведьмарь, не шаманщик и не миражист. И уж тем более нельзя сохранить в памяти местонахождение ШНыра. Недаром же когда-то Рина повторяла Мамасе по телефону: «Я в ШНыре, в ШНыре, в ШНыре!», и Мамася как попугай твердила про нож, который надо будет отстегнуть от ноги, когда ей будут вешать на грудь медаль за успехи во всех областях.

– Я знаю, что вы шныры, – сказала девушка. – Как там у Витяры дела?

– Пока неважно, – ответил Сашка настороженно. – Все роняет и больше лежит, чем ходит.

– Можно передать ему записку?

– Можно. Но не факт, что он ответит. Он имя свое вчера полтора часа писал. Пальцы не слушаются.

Девушка сбросила с плеч рюкзак, вытащила ласты, маску и наконец выудила тетрадь, свернутую в трубку и зачем-то упрятанную в маленькую герму.

– Вечно все мокнет. Сил никаких нет, – непонятно объяснила она, вырывая лист и начиная что-то быстро писать. Рина смотрела на подтеки воды на рюкзаке и что-то начинала соображать. Однако Фреда опередила ее.

– Ты Оля! – уверенно сообщила она.

Девушка вскинула голову.

– Тебе Витяра тоже про нее говорил? – уставившись на Фреду, воскликнула Рина. Она была почему-то убеждена, что Витяра поделился своим секретом с ней одной, потому что именно ее он попросил кормить пауков Бобу, Балеру и Басю, пока он болеет.

– Нет! Со мной никто не разговаривает! Я прокаженная! Все пинают меня ногами и повторяют: «Поддай! Принеси! Пошла вон!» – сказала Фреда добрым голосом циркулярной пилы.

Девушка рассмеялась, чем спасла Рину, переключив внимание Фреды на себя:

– Да, я Оля. А ты Фреда!

– Откуда ты знаешь? – спросила Фреда подозрительно.

– Мы долго говорили с Витярой. Там, на берегу. Он рассказывал о ШНыре, о своих знакомых.

– А откуда ты знаешь, что я именно Фреда, а не Лара, например? Как он меня описал?

Оля замаялась. Откуда ей было знать, что если Фреда начинает копать, то роет до центра Земли.

– Ну... э-э... он сказал, что у тебя характер такой... прямой и искренний.

– Трепло. Представляю, как это звучало! – отрезала Фреда, и где-то в пространстве на Витяре нарисовался громадный крест.

– А я кто? – спросила Рина.

– Ты Рина, – ответила Оля почти не задумываясь, потому что она уже снова писала.

– А меня ты как узнала? Тоже характер прямой и искренний?

– Нет. По веснушкам, – ответила Оля. – А Сашку я узнала, потому что он всегда рядом с тобой. Ты же Сашка?

– Александр, – сказал Сашка строго. Неужели все, чем он знаменит, это то, что он всегда рядом с Риной?

– Отлично, Александр! Тогда держите для Витяры записку! А вот это отдайте или ему, или сразу Суповне. Она же у вас цветы любит?

Оля оглянулась, проверяя, не смотрит ли на них кто чужой, и, сунув руку в боковой карман рюкзака, достала запотевший изнутри пластиковый контейнер. Придирчиво осмотрела его и, буркнув «Халтуру делают... течет...», открыла его. На ладонь к ней скользнул плоский камешек. Форма камешка была сглаженная, а множество мелких отверстий, похожих на оспины, были заполнены глиной. Из одной из оспин пророс маленький белый цветок. Его центральная часть, состоящая из четырех приподнятых лепестков, была алой, а сердцевина ярко-желтой.

– Вот... Суповне передайте! И осторожнее там! Чтобы не попало сами знаете к кому. Уж больно плотно на меня надели, у себя оставлять боюсь. Можно, конечно, на берегу прикопать, да они все равно, если схватят, всю правду из меня вытянут. Я же не девочка-герой.

Оля перебросила камень с цветком Сашке. Сашка поймал его, опасаясь повредить растение.

– Не бойсь! Ничего ему не будет! Вот смотри! – Оля с силой дернула цветок за стебель, точно собиралась вырвать его из камня. Рина вскрикнула, однако ничего не произошло.

Рука Оли прошла насквозь. Ни один лепесток даже не шелохнулся. При этом цветок совершенно определенно был живой и материальный. Назвать его

призрачным Сашка не рискнул бы. Напротив, в нем угадывалась та плотность, какая бывает лишь в последние мгновения перед нырком, когда пег несется к земле и мир вокруг кажется серым, выцветающим и картонным, менее реальным, чем твоё преображающееся тело и грива пег. Запястьё вдруг стало горячо. Сашка потянул рукав. На нерпи проступил череп.

– Закладка? – спросил Сашка. – Нет, не похоже. Хотя на что-то же он реагирует?

Оля отвернулась:

– Ну я потопала! А то Амфибрахия ещё кто-нибудь засечёт! Там глубина в два кошачьих хвоста, никакого эхолота не надо. Записку Витяре не забудьте передать!

Она спеша сложила все в рюкзак, сунула под мышку один непоместившийся ласт и зашагала к Копытово. Лицо у Оли было такое, словно она размышляла уже о чём-то другом.

«Не попрощалась!» – подумала Рина, и тотчас, махнув рукой, Оля, не оборачиваясь, крикнула:

– Ах да! Всем пока!

Сашка, Рина и Фреда постояли ещё немного на лугу и, изменив планы, повернули к ШНыру. Нужно было посоветоваться с Кавалерией, отдать Витяре записку и Суповне камень. Всю дорогу до ШНыра Сашка держал в руке шнеппер. Что-то подсказывало ему, что цветок может представлять ценность не только для Суповны.

Уже у забора ШНыра Фреде пришла эсэмэска. Она лениво взглянула на экран и, пожав плечами, спрятала телефон в карман.

– От мамы? – спросила Рина.

– Да нет, знакомая одна сообщение написала.

– Какое?

– Ну такое... Эмоционального содержания, – ответила Фреда рассеянно.

Эсэмэски эмоционального содержания она принципиально не запоминала.

* * *

В ШНыре Рина отправила Сашку к Кавалерии, а сама, забрав у него камень, пошла искать Суповну. Суповна обнаружилась быстро. Она сама шагала Рине навстречу. Правая ладонь у нее была обмотана тряпкой.

– Я обожглась! – сообщила она мрачно. – Идем, девка! Я сегодня не работник!

И, прежде чем Рина показала ей камень, Суповна решительно затащила ее на кухню. На разделочном столе были навалены огромные карпы. Рядом стояла кухонная девушка Надя с ножом в руке и тряслась мелкой дрожью. Только что она попыталась почистить одного из карпов, посчитав его уснувшим, а тот внезапно ожил и, подпрыгнув, хлестнул ее по лицу хвостом.

– Давайте, девки! Разберитесь с ними шустренько! Кишки и чешую в одну кастрюлю, головы в другую. Мне обед запускать надо! – сказала Суповна и пошла лечить руку.

Надя продолжала трястись.

– Я не могу! Не могу! – бормотала она. – Лучше убей меня!

Убивать ее Рина не стала, а отправила чистить картошку. Сама же тайком наполнила таз и пустила карпов в воду. Даже хлеба накрошила: карпы хлебом не интересовались, полулежали на боку – на морде пена, на чешуе пузырьки воздуха.

Минут через десять на кухне вновь возникла решительная Суповна. Надя повизгивала из-за ширмы, продолжая притворяться ветошью. Это она страховалась на случай, если ее снова начнут грузить. Суповна заглянула в таз.

– Детский сад! Только что бантиков им не завязали! – сердито гаркнула она. – Все приходится самой! А ну-ка, девки, отвернулись! Мне что, на каждую рыбу похоронки заполнять, а?

В левой руке у Суповны появился нож. Как-то сам собой, точно вспыхнул. Рина не удивилась бы, узнав, что в юности Суповна занималась ножевым боем. Не задумываясь, Рина схватилась за русалку. Кратко полыхнуло, и таз опустел. Только плавал накрошенный хлеб.

Кожа Суповны изменила оттенок, дрейфуя от цвета моркови к цвету свеклы.

– Где? – спросила Суповна ужасным в своей тишине голосом.

– В пруду! – ответила Рина. – Теперь не достанете!

В следующий миг она уже удирали от Суповны по всей кухне. Надя с криком «Убивают!» выскочила из-за ширмы и кинулась в двери. Гоша залез на холодильник.

– Гошу не трогать! Он в домике! – вопил он сверху.

– погоди, девка! Чего сказать хочу! – кричала Суповна вслед Рине, приманивая ее.

Но Рина не рискнула останавливаться. Она обхитрила Суповну фальшивым поворотом и, нырнув на четвереньках под стол, по короткой дорожке прорвалась к двери. Запахло спасением, но вдруг ее настигла пущенная со страшной силой поварешка. Прежде чем Рина вскочила, могучая рука схватила ее за плечо и перевернула. Над ней нависла Суповна. Старуха отдувалась. Лицо ее от бега стало еще краснее.

– Молодец, девка! Меня не испугалась! – сказала Суповна и, подняв Рину, стиснула ее в объятиях.

Гоша, пораженный таким финалом, рухнул с холодильника и сидел теперь на полу, шепотом совещаясь сам с собой:

– А Гоша ушиб ножку. Может, ему уйти на больничный, если бабушка сегодня добрая?

Суповна молча протянула ему швабру. Гоша взялся за ее край и мгновенно был поднят на ноги могучим рывком. При этом швабра почему-то была оставлена у него в руках. Гоша подозрительно посмотрел на швабру, пытаясь осознать, насколько этот предмет случаен. По лицу Суповны определялось, что не случаен. Гоша вздохнул и поплелся мыть столовую.

– Гоша думает, что в этом мире нет справедливости! – произнес он громко.

Рина вспомнила о незавершенном деле.

– Утешительный приз за карпов! Глаза можно не закрывать, а вот руку лучше протянуть! – сказала она Суповне, вкладывая ей в ладонь камень с цветком.

В кухню влетела Кавалерия, сопровождаемая визжащей Надей.

– Кого убивают? Никого? Что, наврали? – крикнула она и застыла, точно замороженная глядя на цветок. Потом бережно взяла у Суповны камень.

– Бывшая закладка, да... Цветок, проросший на закладке! – пробормотала она, сопоставляя это с рассказом Сашки.

Кавалерия вначале бережно ощупала камень, а затем, помедлив, попыталась коснуться цветка. Ей, как и Оле, это не удалось. Палец проходил насквозь. Лишь на коже вспыхивали слабые белые искры.

– Никак... странно... очень странно...

В окно кухни влетела большая, цвета древесной коры бабочка. Села на цветок и распахнула крылья с двумя черными глазами внутри красных кругов. Не обращая ни на кого внимания, развернула длинный хоботок. Бабочку не смущало, что к цветку нельзя прикоснуться. Она сидела на нем как ни в чем не бывало и хоботок запускала тоже без всяких усилий.

Рука Кавалерии, державшая камень, задрожала.

– Это бабочка из Межгрядья! – сказала она.

– Как из Межгрядья? Вы имеете в виду Зеленый лабиринт? – переспросила Рина.

Кавалерия не ответила. Рука ее продолжала дрожать. Все смотрели на бабочку. Немного погодя рядом что-то забурлило.

– Вода в баке кипит! – сообщила Надя.

– Так выключи! Нас-то чего дергать? – огрызнулась Суповна.

Надя подошла к плите. Постояла и вернулась. Вода продолжала кипеть.

– Не выключила?

– Под ней огня нет. И еще она холодная, – тихо сказала Надя.

– Что? Вода?

Надя кивнула, испуганно глядя то на Суповну, то на свою руку, которой она трогала воду.

Они поспешили в Зеленый лабиринт. Первой, прижимая к себе камень, вышагивала Кавалерия, за ней держались Суповна и Рина. Замыкали шествие Надя и Гоша со шваброй на плече, которую он нес торжественно, точно швейцарец свою алебарду.

У входа в лабиринт стояла Алиса и ласково, точно кота, ласкала пальцами самшит. В том, как она прикасалась к нему, угадывались любовь и нежность. Молодые, этого года прироста веточки оплетали ее ладонь и ластились к ней как живые. Застигнутая врасплох, Алиса бросила гладить листья и, оглянувшись, пнула кустарник ногой.

– Разросся тут, понимаешь! Стричь пора! А лучше – бензопилой и под корень! – заявила она.

– Проведи нас к фонтану! По самому короткому пути, – сказала Кавалерия.

Она редко обращала внимание на настроения Алисы, отчего с Кавалерией Алиса и не позволяла себе особенных настроений. То, что она сейчас пофыркивала и презрительно кривилась, больше относилось к Рине и кухонной Наде.

– А что, самим никак? – буркнула Алиса и уверенно двинулась сквозь кустарник.

На привычные проходы она не обращала никакого внимания. Они были ей не нужны. Непонятно, как она вообще определяла, где можно пройти, а где нет. Порой они почти застревали, но потом все же прорывались. Барбарис, жимолость, лох серебристый, колючая облепиха, акация. Арки, обвитые виноградом. Всюду жужжат пчелы. Крупные медлительные осы, которые на самом деле не осы вовсе, а маскирующиеся под ос мухи, неспешно лезли прятаться в сплетения шаровидной туи.

– Стой! – приказала Кавалерия, голосом удерживая Алису на месте. – Как ты это сделала?

– Что?

– Только что! Как мы прошли? Там же на шиповнике были прошлогодние ягоды! А ты сама говорила, что если ягоды, да еще подсохшие, то идти через шиповник – верная смерть.

– Ну да, – отозвалась Алиса. – Так и есть. Скелеты берсерков, некоторые совсем рассыпавшиеся, я по большей части в шиповнике находила. Да только здесь лавровый лист рядом рос. Вот я и предположила, что их корни наверняка переплетаются.

– А если бы не переплетались? – испуганно спросила кухонная Надя.

– Не надо думать о печальном, – отозвалась Алиса и, выудив из зарослей повисшего вниз головой богомола, посмотрела на его брюшко.

– Шесть сегментов. Самка. Значит, проходить можно, – сообщила она и смело шагнула в кажущиеся непроходимыми заросли. Затем отошла в сторону и

присела на корточки.

– Прошу! Фонтан Зеленого лабиринта! – произнесла она равнодушным тоном экскурсовода, в десятый раз за день вошедшего в давно надоевший ей зал.

У камня со сбегавшими по причудливой резьбе каплями воды пышно цвели хризантемы. Но Рину сейчас больше интересовала трещина. Она хорошо запомнила место, до которого трещина дошла в прошлый раз. Да его и несложно было запомнить: трещина упиралась в одну из канавок с белым приметным вкраплением. Сейчас же край трещины опустился почти на палец. Кавалерия озабоченно посмотрела на нее, однако ничего не сказала.

Вместе с Суповной она подошла к хризантемам и, вооружившись лежащей неподалеку лопатой, начала пересаживать один из разросшихся кустов, освобождая место. Рина хотела помочь, но до внутренней клумбы так и не добралась. Незримая сила фонтана помешала ей приблизиться. Несколько утешало то, что и Надя, и Гоша не продвинулись дальше нее. Хотя они и не пытались. Надя выпутывала из волос листья и сдувала с одежды муравьев. Гоша же странно ухмылялся.

– А Гоша швабру потерял! В кустиках застряла. Ай-ай-ай! Как же я теперь буду полы мыть? – издевательски причитал он.

– Ручками! – ответила Суповна, не оборачиваясь. Улыбка сползла у Гоши с губ. Он знал, что Суповна никогда не забывает своих обещаний, за исключением тех, которые касаются отгулов и поездок в Москву.

Куст был выкопан и перенесен подальше от закладки. На освободившееся место Кавалерия поместила камень с цветком. Суповна бережно присыпала его землей, но не больше, чем он был присыпан прежде. Граница легко просматривалась по прилипшей к камню почве.

Закончив, Суповна поднялась и, отряхнув колени, отодвинулась на шаг. На цветок слетались бабочки. Сотни бабочек. Не помещаясь, они переползали друг по другу, ковром покрывая и соседние хризантемы, и каменный фонтан. Тут же были и осы, и золотые пчелы, и тяжелые шмели. Казалось, ими управляет не голод, а желание прикоснуться к цветку – или хотя бы к тому, кто прикоснулся к цветку до них.

– Я слышала о нем от своего учителя. Очень давно, когда только попала в ШНыр, – сказала Кавалерия. – Это Цветок Трех Миров. Говорят, он способен вызывать циркуляцию закладок и переносить их силы из одного мира в другой.

– Что? Прямо камни перетаскивать? Как ураган такой маленький? – удивилась Рина.

– Нет. Камни остаются на своих местах. Но стоит цветку прикоснуться к камню, который в другом мире является закладкой, сила камня перейдет из мира в мир, – объяснила Кавалерия.

– А почему его нельзя потрогать?

– Тут все очень просто. Он опережает наш мир на одну сотую секунды.

– Всего лишь? – воскликнула Рина.

– Всего лишь?! – возмутилась Кавалерия. – Сразу видно, что у тебя не все в порядке с логикой вещей! Как можно прикоснуться к цветку, который ускакал по временной спирали вперед тебя? Ведь прикоснись ты к нему – получилось бы, что ты уже сделала одну сотую секунды назад! А этого не произошло. Поэтому и видим мы не цветок, а лишь его отблеск в прошлом.

Рина беспомощно посмотрела на Суповну. Та истолковала ее взгляд просто и верно.

– Низя его трогать! – добродушно пробасила она. – Просто ручки в карманы спрячь, если чешутся.

– А почему бабочки могут садиться? – спросила Рина ревниво.

– Потому что они из Межгрядья. А может, и из-за Второй гряды. Не исключено, что время там универсально или его вовсе нет, – тихо отозвалась Кавалерия.

Она стояла и с отепленным радостью лицом смотрела на ковер из множества насекомых, покрывавших цветок до такой степени, что и цветка уже было не

разглядеть.

Глава пятая

Семь холодильников московского лета

То, чего человек достигает в этой жизни и уносит с собой в вечность, в действительности лежит за рамками его деятельности. Это нечто глобальное, важное, требующее не столько разума, сколько правильного устройства сердца. Иначе вышло бы, что капризный гений унес бы с собой больше, чем монастырский послушник, тихо стоящий в уголке храма, или старый огородник, всю жизнь провозившийся в земле.

Йозеф Эметс

Мыслительное усилие – как давление воды. Когда вода не может прорваться в каком-то одном месте, она прорывается в другом. Рина замечала, что, когда ей нужно зубрить минералогию, она внезапно начинает как бешеная убираться в комнате, переустанавливать систему на компьютере или стирать. Хотя в обычное время и первое, и второе, и третье она просто ненавидит, считая пустой тратой времени.

Вот и теперь силы Рины, собранные в кулак для решающего удара по минералогии, почему-то излились на то, что она просмотрела папку с фотографиями, удаляя все одинаковые. Потом взяла кофейную чашку и стала поливать цветы. Лена, уютно устроившаяся в единственном на всю комнату кресле и вязавшая свитер, опустила руки со спицами.

– Вот смотри, как ты поливаешь! – сказала она назидательно. – Носишься с маленькой чашечкой туда-сюда! Раз десять сбегала, а цветов и половину не полила! Зато у тебя теперь есть повод благородно устать и рухнуть.

– Может, я и хочу рухнуть! – возмутилась Рина.

Лена улыбнулась и, смиренно опустив глаза, продолжала вязать. Рине захотелось сказать ей что-нибудь противное.

– Вы как с Ларой? Завтра утром бегать будете? – спросила она.

– Обязательно! – заверила ее Лена.

Лара и Лена каждое утро договаривались бегать. Уже целый месяц. Это было невероятно смешно. Лара с вечера готова была нестись хоть на край света и подговаривала Лену составить ей компанию.

– Тебе же фигура нужна?

Лена вздыхала. В целом она соглашалась с тем, что фигура ей нужна, но не такой же бегательной ценой! Но все же сдавалась и ставила на утро будильник. Причем не один, а несколько. На 5:01, 5:04, 5:06, 5:08, 5:12. Почему-то именно пять будильников и на пять часов. Видимо, ей казалось, что позднее уже не бегают.

Где-то между третьим и четвертым будильниками ответственная Лена честно вставала и отправлялась будить Лару. Долго трясла ее за плечо и повторяла «вставай-вставай-вставай!». Наконец Лара садилась на кровати, смотрела на Лену дикими глазами, затем молча валилась и злобно нахлобучивала себе на голову подушку.

– Ну и отлично! Что и требовалось доказать! – произносила Лена и с чистой совестью отправлялась спать.

Решив все же вернуться к минералогии, Рина села за стол, покрытый клеенкой, поскольку он служил еще и для ночных перекусов. Внезапно что-то цапнуло Рину за ногу. Она взвизгнула:

– А-а-а! Там крыса!

– Там я! – ответили ей.

Под столом что-то завозилось, и высунулась всклокоченная голова Кирилла:

– Привет! Час просидел, и никто меня не обнаружил!

Лена постучала согнутым пальцем по лбу:

– Кирюша, золотце, не сиди на холодненьком! Ты бы лучше поел!

– Мне больше нравится смотреть на твои ноги!.. Я теперь лучший специалист по ногам во всем ШНыре! Могу узнавать всех девушек, не видя ничего, кроме ног! Когда под столом долго сидишь – обучаешься! – с гордостью сообщил Кирилл.

– О небо! – простонала Лена.

Забеспокоились все, кроме Лары. Лара была уверена в своих ногах настолько, что, если бы завтра ее должны были казнить, она завещала бы их анатомическому театру. Больше же всех взволновалась Фреда. Она подскочила к столу, и Кирюша был катапультирован из комнаты с максимальной силой, на которую был способен лев ее нерпи. Он даже пол ни разу не задел, когда вылетал в коридор, а до двери было метров пять.

– Ты его чуть не убила. Нельзя льва использовать, да еще против своих! – сказала Рина.

– Пусть спасибо скажет, что я в него из шнеппера не шарахнула, – остывая, буркнула Фреда. – Достал меня этот... этот...

– ...неумный человек! – быстро подсказала Рина, чтобы не обижать Лену.

– Во-во... – кивнула Фреда.

Рина прочитала пару абзацев про какие-то шпаты, которые где-то там залегают, ничего не запомнила и поняла, что у нее есть дела. Но какие дела? Думала она недолго.

– Дай мне свою нерпь! Пойду тебе льва заряджу! – предложила она Фреде.

Фреда, пожав плечами, вручила ей нерпъ. Рина отправилась было в Зеленый лабиринт, но так туда и не добралась. Ей вдруг захотелось к Мамасе. Именно сейчас, почти ночью.

«На Фредином сирине туда, на своем обратно! За полчаса обернись!» – прикинула она и телепортировалась на пожарный балкон Мамасиного дома.

Рина знала, что его ничем не заставляют, и не опасалась обнаружить внутри себя горные лыжи или детскую коляску. Именно с этого балкона Рина спускалась по веревке, когда увлекалась альпинизмом. В ближайшей квартире жила добрейшая в мире пожилая супружеская пара. Он глухой, а она в очках толщиной с ладонь. Муж и жена никогда не ссорились. Он все равно ничего не слышал. Она все равно ничего не видела. И оба очень любили вкусную выпечку и всех ею угощали.

Мамасю Рина застала во вселенской скорби, заваленную рукописями. У Мамаси сломался холодильник. Вначале перестал закрываться. Потом внутри намерзла подушка льда. Мамася со свойственной некоторым редакторам гуманитарной отвагой принялась отдирать ее ножом. Отодрала, но холодильник перестал работать. По вызову явился прекраснейший мастер. Усатый, галантный, полнокрасивый. Прямо мушкетер Портос. Пошучивал с хозяйкой. Напросился на обед. Вытерев салфеткой руки, задумчиво походил вокруг холодильника. Потрогал его пальцем. Спросил:

– Как вы сами определяете характер поломки?

– Я ковырялась ножиком и вместе со льдом отодрала какую-то важную штучку! – виновато призналась Мамася.

– Ага! Так и запишем! – Портос заполнил квитанцию и вызвал машину, чтобы отвезти холодильник в мастерскую.

– Попрошу оплатить доставку. Основной счет будет выставлен по факту выполненных работ, – сказал он чудесным низким голосом.

– Я думала, вы сами почините! Здесь и сейчас! – взмолилась Мамася.

– Я руководитель. Я сам не чиню, – ответил Портос и галантно поцеловал Мамасе руку.

И вот теперь Мамася сидела без денег и без холодильника.

– Я так тоже могу! – дрожа губами, жаловалась она Рине. – Буду ходить по домам, напрашиваться на обед, заполнять квитанции и отбирать у людей их честно отмороженные холодильники.

– Да-а, – кивнула Рина. – Жалко, Артурыча нет. Он бы починил...

– Артурыч уехал, – сказала Мамася. Голос у нее едва приметно дрогнул.

– Но он приедет? – спросила Рина.

– Приедет конечно! – бодро произнесла Мамася, но Рину уже было не обмануть.

Может, Артурыч и вернется, но едва ли надолго. Вскоре его опять умчат ветры странствий и занесут уже не к Мамасе, а к какой-нибудь другой хорошей женщине – в Орле, Туле, Воронеже или Казани. Если уже не занесли. Так было и так будет всегда. Такой уж у Артурыча сценарий. Хоть и толст, хоть и похож на моржа. Может, и не женщина ему вовсе нужна, а тихая пристань для его микроавтобуса?

– Ну и правильно! – одобрила Рина. – И хорошо!

– Что «хорошо»? – почти испугалась Мамася.

– Все хорошо! С ним невозможно иметь дело. Попросишь, например: «Дай бумагу!» Он ее, конечно, даст, но при этом добавит или «Будь осторожна!», или «У нас ее мало осталось», или «Вкладывай в принтер бережно!». Никогда не даст тебе бумагу без какого-нибудь совета.

– Поэтому ты всегда брала сама?

– Ну да. Так как-то. Не хотела его перегружать, – сказала Рина.

Мамася кивнула.

– Проголодалась? – спросила она и сразу же без перехода: – Приготовь себе что-нибудь! У нас есть замечательная овсяная каша! И вот этот бульон нужно допить, пока он не испортился. Эля в него бросила пластилин, но я его выловила ложкой.

– Не хочу, – отказалась Рина.

– Из-за пластилина? Напрасно я тебе сболтнула.

– Да нет, просто не хочу, и все.

Мамася слегка нахмурилась.

– Я такая, какая я есть! – произнесла она с задором. – Мои ценности расположены выше уровня кастрюль. Из-за хороших хозяек никто никогда не стрелялся!

– Отлично сказано! – оценила Рина. – Кто у нас хорошая хозяйка? Суповна! Представляю себе дуэль за Суповну! Кузепыч стреляется с Меркурием. У одного – обрез карабина, у другого – шнеппер. Суповна бросается между дуэлянтами, навешивает обоим тумачков и под конвоем ведет их на кухню чистить картошку.

Мамася моргнула. Всех этих имен она раньше, кажется, и не слышала. А если слышала, не могла запомнить, потому что они относились к ШНыру.

– Если кому-то нужна мать-клуша – милости просим в курятник! А я, может, и не мать! – договорила Мамася жалобно.

Рина осеклась.

– Не мать? А кто? – испуганно спросила она. Вдруг Мамася все узнала? Но как? От кого?

– Воспринимай меня просто как человека! – продолжала ораторствовать Мамася. – А то в качестве матери ты начинаешь меня использовать: «Принеси! Постирай! Где моя теплая картошечка?» И получается не равноправие, а какая-то бесконечная игра в «дай-дай-дай»! А я не служанка!

Рина вежливо слушала. Она уже больше года не говорила Мамасе: «Где моя теплая картошечка?» – и постирать ее не просила, но все же понимала, что Мамасе надо выговориться.

Вскоре Рина и Мамася перешли из кухни в комнату. Несмотря на поздний час, Эля не спала. Сидела на ковре и слушала плеер. Вокруг нее штабелями были разложены книги с картинками и фломастеры. Одета Эля была тепло, но как-то разнородно. На правой ноге – красный шерстяной носок, на левой – зеленый с дыркой. Рядом стояли банка с кабачковой икрой, в которой торчала ложка, и вазочка с конфетными фантиками.

– Как она? – спросила Рина.

– Прекрасно! – ответила Мамася, пользуясь тем, что наушники плеера мешают Эле слышать их разговор. – Двигается вперед семимильными шагами. Сейчас ей уже где-то десять! Ну ты понимаешь, в каком смысле. Все детское мы уже переслушали. Теперь каждую неделю она прослушивает по толстому серьезному роману! Эля, кто такая Анна Каренина? – крикнула она Эле на ухо.

– Тетя! – удивленно ответила Эля.

– Вот! – обрадовалась Мамася. – Правильно же, да? Тетя! Я ей много читаю. А утром толпами приходят все эти массажисты, логопеды, дефектологи. Важные все, вежливые, в золотых очках. Мне перед ними постоянно неудобно, что у меня бардак. Но, с другой стороны, они все притворяются, что наш зачуханный дом – лучшее место в городе.

– А как ты им платишь?

– Они ничего не берут, – сказала Мамася с некоторым смущением и будто чего-то не договаривая.

В дверь позвонили. Рина, опередив Мамасю, отправилась открывать. В дверях стоял Долбушин. Увидев Рину, он опешил и сделал полшага назад. Рина была удивлена не меньше, но все же опомнилась первой.

– Добрый вечер! Проходите, пожалуйста! Снимайте обувь, вот тапочки!

– Я тут проезжал мимо, – сказал Долбушин.

– Это бывает. Для того дороги и нужны. Вечно кто-то мимо проезжает, – поощрила его Рина.

Долбушин выдвинул из-за спины руки. В руках он держал огромного желтого слона с маленькими крылышками:

– Это Эле!

– Она не любит мягкие игрушки! – виновато сказала Мамася.

– Там внутри конфеты! – заметил Долбушин.

– Ой, все! Она уже любит мягкие игрушки! – обрадовалась Рина и, отбирая у него слона, сказала шепотом: – Вот и разгадка про золотые очки!

Долбушин притворился, что не понял.

– У меня есть бульон! – сказала Мамася и с тревогой взглянула на Рину, умоляя ее не проболтаться про пластилин.

Оказалось, что Долбушин давно мечтал о бульоне.

Пять минут спустя он ел разогретый в микроволновке бульон, а Рина с Мамасей любовались процессом его питания. Эля залезла под стол и разрисовывала столешницу снизу красками. Мамася не мешала. Она поощряла все формы творчества. К тому же, согласитесь, приятно есть за столом, зная, что внизу картина.

Неожиданно Долбушин перестал глотать бульон.

– Что это? Замазка? – удивился он, извлекая что-то изо рта.

– Фасоль разварилась. Не надо это есть! – сказала Рина и, быстро взяв «это» салфеткой, выбросила в ведро.

Долбушин просидел у Мамаси не больше получаса. Спрашивал у нее про Элю. Из разговора Рина поняла, что Долбушину и без того откуда-то много известно про успехи Эли.

– Да-да... Ей уже даются верхнеэтимые звуки... – важно сказал он, не замечая, что сдал своего информатора.

Выслушав историю про холодильник, усмехнулся:

– Надо было мне позвонить!

– Вы умеете чинить холодильники? Надо же, какие таланты!

– Дядя Альберт чинит все подряд, – ответила за Долбушина Рина. – Порой специально ломает будильник – и его чинит. Починит, послушает, как он тикает, – и опять ломает.

Настроение у нее было странное, прыгающее. Ей хотелось дразнить и Долбушина, и Мамасю, и себя заодно. Вроде как и радостно ей было, но и злилась она непонятно на что.

Напитав дядю Альберта бульоном с «разварившейся фасолью», Мамася повела его в комнату смотреть Элины рисунки. Эля объясняла, где чего. Больше всего Рине понравилась картина «Темнота побеждает темноту». Со стороны, правда, казалось, что лист залит тушью. Рина так вдохновилась этой идеей, что вместе с Элей нарисовала еще две картины – «Белота побеждает темноту» и «Белота побеждает белоту». В первом случае тушью была залита лишь часть бумаги, а во втором лист вообще оказался чистым.

Пока они смотрели рисунки, золотые очки проглянули еще несколько раз. Долбушин случайно проговорился, что специалисты считают Мамасины идеи с непрерывными аудиокнигами, чтением вслух и рисованием на всем подряд милым, безалаберным, но допустимым заблуждением.

Мамася начала было горячо спорить, но опрокинула баночку с кабачковой икрой, и картина «Белота побеждает белоту» превратилась в полотно «Белота побеждается кабачковой икрой».

– Плевать! Пусть думают что хотят. Я и Рину так же воспитывала! – сказала Мамася.

– Да, – задумчиво пробормотал Долбушин. – Так и есть... Тоже рисование и аудиокниги. Только чтения вслух не было – и не могло быть.

Сказано это было тихо. Мамася не расслышала. Рина же остро взглянула на Долбушина, пытаясь что-то понять. Долбушин отвернулся – торопливо и виновато.

Рина еще немного посидела и, подумав, что в ШНыре ее могут хватиться, стала собираться. Телепортироваться из квартиры Мамаси было неразумно, и она решила сделать это с улицы. Долбушин не остался у Мамаси и вышел вместе с Риной.

На лестнице терпеливо топтался телохранитель Андрей. Под наброшенной на руку легкой курткой наверняка был скрыт арбалет. Иначе он бы не отвернул поспешно куртку в сторону.

– Привет! – поздоровалась Рина. – Боишься, куртка выстрелит, в меня пуговицей попадет?

– К стене прибьет! – отозвался Андрей.

Он вызвал лифт, но Рина стала спускаться по лестнице, и Долбушин пошел с ней. Он выглядел недовольным. Постукивал по перилам зонтом. Этажа два оба молчали. Потом Долбушин внезапно сказал:

– Она не твоя мама.

– Моя, – сказала Рина. – Я знаю про фельдшера Уточкина, но это дела не меняет. Мамася – моя мама. Вот и нечего к ней лезть!

– Твоя мама была замечательная. И она не Мамася. Мамася – мать Эли!

– Как все запущено! Прямо бразильский сериал! В следующей серии вы узнаете: «Фернандо думает, что он сын Диего, однако Диего оказывается переодетой женщиной, а своего отца он узнает в Гонсалесе, которого ненавидит за то, что Гонсалес сбросил в пропасть Хуаниту, однако Мендес успел поймать ее за волосы».

– Перестань!

– Не перестану! Если Мамася не замечательная, чего ты к ней в гости зачастил?

Глава форта поморщился:

– Ты передергиваешь. Мы совсем не о том. Мамася – она... тьфу! Какая она Мамася?! Она Ася! Представляешь, я тоже начну называть ее Мамасей?

– Нельзя. Это мое слово. Ты не получал на него копирайта, – возмутилась Рина. – Знаешь закон о литературном переводе, который заставляет менять все нормальные имена на дебильные? Один переводчик назовет Винни-Пуха медведем Пу, другой – Винни-Пушком, третий Винусом Зепухером, и так, пока читателю не вынесет мозг.

Долбушин с удивлением шмыгнул носом. Видно, он про этот закон не знал.

– Ладно, – разрешила Рина. – Мамасю можешь навещать. Артуруча унесли ветры странствий, и Мамася считает, что навсегда.

Долбушин взглянул на нее сердито, но все же Рине показалось, что известие про Артуруча он принял к сведению. Они дошли до пожарного балкончика. Здесь Рина остановилась и показала нерпю:

– Ну пока! Я в ШНыр.

– Давай на машине довезу, – предложил Долбушин, которому не хотелось так скоро расставаться.

– За два часа? И чтобы все два часа мы ссорились?.. Нет уж, лучше телепортироваться.

Долбушин с подозрением покосился на нерпь:

– С этой штукой можно залипнуть в дереве.

– С автомобилем тоже можно. И тоже в дереве, – возразила Рина.

Долбушин вздохнул. Внезапно он протянул руку, сгреб Рину за затылок и, подтянув к себе, неумело и сухо поцеловал в щеку. При этом нечаянно задел ее локоть зонтом, так что Рине на миг показалось, что сквозь кости ее руки продернули раскаленную проволоку. Но, в конце концов, он хотел как лучше.

– Ага! – сказала она. – Родительская нежность! Прекрасно! Но ты все сделал не так! Показываю! Предположим, отец я, а ты моя дочка...

Она притянула к себе Долбушина, взяв его прямыми ладонями за уши, чтобы не стереть воображаемую косметику, и звучно поцеловала его в макушку. Андрей, когда это увидел, сделался багровым и едва не прострелил себе ногу из арбалета.

– Дочка! Ты у меня самая красивая! Я тобой горжусь! – сказала Рина Долбушину.

Глава форта уронил зонт.

– Вот как надо, – продолжала Рина, сама чуть-чуть розовея. – А «Я тобой горжусь! У тебя все получится» говорить не надо. Это штамп американского кино. Русское женское сознание быстренько все переиначивает и получает: «Ага, это он меня потому целует, что жалеет... Значит, ни фига у меня не выйдет! Надо сейчас разрыдаться и все перевесить на него».

Сказав это, Рина отпрыгнула в дальний угол балкона, коснулась нерпи и исчезла, ослепив Андрея и Долбушина вспышкой телепортации. При этом Рина едва удержалась, чтобы не телепортироваться так, как это порой делал Ул, пока не готовился стать папой. То есть спрыгнуть с балкона и исчезнуть во вспышке раньше, чем на асфальте останется пятно.

– А мы думали, ты к ведьмарям удрала с моей нерпью, – сказала Фреда, когда Рина, наскоро побывав в Зеленем лабиринте, вернулась в комнату.

– Ага. И потому съели твои три шоколадки, – призналась Лара.

– Это были не мои. Это мне кухонная Надя дала свои похранить, – заметила Рина.

Лицо у Лары вытянулось. Кухонная Надя, как истинная бывшая студентка педучилища, выносила мозг на «раз-два-три». Либо умирала, либо начинала: «Как вы сейчас со мной поступили? Давайте подумаем вместе! Плохо! Как должны были поступить настоящие товарищи? Давайте подумаем! Хорошо!»

– Что? Правда? – испугалась Лара. – Ты же ей не скажешь?

– Не скажу. Я пошутила, – успокоила ее Рина.

– Спасибо! – сказала Лара. – Я тебя завтра тогда на отличную американскую распродажу возьму. Смотаемся на сиринах туда и обратно. Правда, не люблю американские джинсы покупать. Они никогда не садятся как надо. И размер вроде твой, но толщина у них какая-то совсем другая. Такое чувство, что фигуры генетически другие. Взяли полного человека и раздавили его между страницами книги. И он получился толстый, но плоский.

– Нет, – сказала Рина. – У меня с деньгами туго. Может, на следующей неделе.

На другое утро, дождавшись одиннадцати часов, потому что звонить Мамасе раньше было опасно, Рина набрала ее номер.

– Привет! И что? Долбушин починил тебе холодильник? – спросила она.

– Нет. Но мне два часа назад привезли семь холодильников! Семь! Соседи не могут выйти из квартир. Я не могу высунуться в коридор! Все заставлено холодильниками! Жизнь в доме парализована! Сделай что-нибудь! Спаси меня!

– О! Все просто! Дарю тебе замечательный логистический ход! Подари шесть холодильников соседям! Увидишь, как быстро все рассосется, – предложила Рина.

– А Альберт Федорович не обидится? – засомневалась Мамася.

– Он и не узнает, – сказала Рина. – Думаю, он, как обычно, дал поручение не только Лиане, но еще куче всяких других людей, и они, не сговариваясь между собой, отправили тебе каждый по холодильнику.

– Уф! Ну тогда я все так и сделаю! А что я соседям скажу? Откуда холодильники?

– Скажи, что выиграла радиоконкурс «Московское лето». Придумай что-нибудь! Ты же творческий сотрудник! Будь креативной, в конце концов. Бери пример, я уж не знаю с кого... Сама решай! – сказала Рина и самодовольно подышала на пушкинский перстень.

Глава шестая

Nunc aut nunquam[1 - Теперь или никогда (лат.).]

Между драгоценными рукописями, бывшими в ней, летописцы упоминают о какой-то драконовой коже в 120 футов длины, на коей были написаны «творения Гомера и история греков», но ничего больше не поясняют об этой чудесной коже.

И. Я. Стеллецкий.

Мертвые книги в московском тайнике

Незаметно улизнуть из ШНыра Дане и Сашке не удалось. Они наткнулись на Влада Ганича, который шатался по фойе первого этажа и с опережением говорил «Дай денег!» каждому, кто мог сказать «Дай денег!» ему. И прекрасно срабатывало. Сашке и Дане он говорить «Дай денег!» не стал, потому что знал, что они не попросят. Вместо этого Влад приклеился к ним хвостом, собираясь протаскаться с ними до глубокого вечера. Даня заблеял, не зная, как от него отделаться.

Сашка же решил проблему гениально просто.

– Здорово, что ты вызвался! Молодец! – воскликнул он. – А то бы нам вдвоем вкалывать пришлось!

– Куда я вызвался? – сразу напрягся Ганич.

– Кузепычу надо помочь перенести двадцать мешков цемента.

– Какого цемента? – недоверчиво спросил Ганич.

– Разве ты позавчера с нами в строймаг не ездил?... – удивился Сашка.

Со дна зрачков Влада всплыло жуткое воспоминание, связанное с орущим Кузепычем и прорывающимися мешками, из которых сыплется какая-то пачкающая костюм белая дрянь.

– Так он же грязный!

– Цемент не грязный. Он цементный... Эй, ты куда? А помочь?

Но Ганич уже, высвободив рукав, рванул через парк.

– Я переоде-е-енусь! – донеслось издали.

Сашка от смеха сел на траву. Он знал, что искать рабочую одежду Влад будет до момента, пока через несколько десятилетий здание ШНыра не снесут и не построят следующее.

Час спустя Сашка и Даня были уже в небольшом подмосковном городе, не так давно вошедшем в состав Москвы. Даня стоял перед маленькой, с треснувшим стеклом будочкой, прилепившейся рядом с колесом обозрения, и читал пожелтевшие объявления, покрывавшие будочку как рыба чешуя:

«Убедитесь в желании ребенка посетить аттракцион. Деньги не возвращаются! Администрация».

«Мороженое сверху не бросать! За вами наблюдают по гугл-картам! Администрация».

«Семейные сцены просьба завершать внизу. Администрация».

Колесо обозрения не работало уже лет десять. То ли требовало дорогого ремонта, то ли не так много находилось желающих обозревать бывший завод стекловаты, бывшее опытное поле тракторного института и совсем не бывшую, к счастью, а вполне себе недавно возникшую станцию метро. Сейчас тихий городок стремительно застраивался домами, так что вскоре и колесо должно было исчезнуть.

Рядом с Даней нетерпеливо подпрыгивал на месте Сашка. Он то лез на колесо и повисал головой вниз, то начинал раскачиваться в уцелевших подвесах, то заглядывал в будочку, в которой только и было что диван, маленький столик и громадный открытый сейф. Вероятно, будь сейф закрыт, сюда каждую ночь приходили бы взломщики околоподросткового возраста и, пыхтя, отжимали бы его ломом. А так всем понятно было, что деньги уже давно унесены.

А Даня все стоял и читал.

– Ну что, идем? – спрашивал его Сашка по меньшей мере уже в третий раз.

– Я размышляю, – отвечал Даня.

– Ловушка это или не ловушка? Ну с «Китай-городом».

– Я размышляю обо всем. Мысли мои велики и многообразны.

Хотя встреча была назначена на вечер, Даня рассказал о ней Сашке еще днем. Один он идти не решился. Ему нужен был человек, который бы его подстраховал. После некоторых колебаний Даня выбрал именно Сашку. Правда, он не учел, что Сашка окажется таким беспокойным. Мало того что он взял с собой столько пнуфов, что их хватило бы на четыре часа боя. Еще он затащил Даню к своей тете, у которой на прошлой неделе был день рождения и которая хотела передать Сашке кое-какие вещи.

Тетя, некогда очень красивая, но теперь несколько располневшая, постоянно искала какого-то другого счастья, не замечая, что и так, в принципе, счастлива. Много лет уже она жила в гражданском браке с автоэлектриком, веселым добрым парнем, и мечтала уехать на ПМЖ в Испанию. Почему в Испанию – непонятно, она и не была там никогда, но вот в Испанию. По этой же причине они и детей не заводили, и квартиру не покупали. Зачем, если уезжать? Пару раз в год тетка заявляла автоэлектрику, что все, конец, пора собираться или она его бросает. Тот чесал нос и уходил ставить автосигнализации.

– Сделаешь окрошку на обед? Или уже будешь в Испании? – спрашивал он.

Тетка швыряла в него полотенцем, но сердиться у нее долго не получалось, и вскоре она уже открывала холодильник, прикидывая, есть ли у нее колбаса к окрошке. Автоэлектрик любил хорошо подкрепиться на ночь глядя. По этой причине многие его вещи как-то подозрительно быстро садились в стиральной машине (версия тети), и она отдавала их Сашке. Сегодня Сашка получил восемь футболок, спортивные брюки, великолепный клубный пиджак, который мог вызвать зависть у Влада Ганича, и отличную дубленку. Даня же был одарен красивой лыжной шапкой, потому что неудобно было ничего ему не дать, раз уж он тоже явился.

– С днем рождения! – сказал Даня, недоумевая, как электрик мог вырасти из шапки.

– Ага! Здоровья счастья удачи! – одним словом выпалил Сашка. – Больше у вас никаких праздников в этом месяце не намечается? А в следующем?

Тетка швырнула в него полотенцем. Видимо, кидать полотенцем было у нее универсальной реакцией на все мужские подначки.

– Как папашка? Не пьет? Работу-то нашел? – спросила тетя, провожая Сашку к лифту.

– Отец в порядке, – сказал Сашка, искоса взглядывая на Даню, чтобы проверить, не услышал ли тот. Сашка не любил слово «папа» и всегда заменял его на «отец».

Навьюченные подарками, Сашка и Даня через парк пошли к метро. Тут-то и возникло это колесо обозрения, которое Сашка сразу переназвал «колесом оборзения».

– Странное дело, – сказал Сашка. – Вот меня этими вещами нагрузили – и сразу шнеппер каким-то лишним стал. И сражаться расхотелось. Ощущаю себя мародером.

Сашкины прыжки вокруг «колеса оборзения» не остались незамеченными. Послышалось рычание, и сердитые зубы впились ему в каблук.

– Ах ты собака! – выдирая ногу, закричал Сашка.

– Она-то не спорит, что собака! – согласился Даня. – У нее под настилом щенки, а ты по нему прыгаешь. Ну идем! Пора уже!

Даня посмотрел на заходящее солнце, на часы в телефоне, сверил солнце с часами и нашел, что солнце отстаёт. На «Китай-город» они приехали даже раньше, чем требовалось. Сашка отошел в сторону, чтобы неприметно страховать Даню, и сунул руку в пакет со шнеппером.

«Если что – через пакет стрелять нельзя! – напомнил он себе. – Пнуф ударится в пакет – и в арктической избушке окажусь я... А если стальным шариком зарядить?»

Однако перезаряжаться было опасно. Слишком людно.

Даня прохаживался по станции, медлительно и важно переставляя циркульные ноги. Сашке он напоминал высматривающего лягушек аиста. Уже по одной походке ощущалось, что личность эта в высшей степени добропорядочная и несколько занудная.

Вот Даня остановился у мраморной колонны и с удивлением смотрит на нее. На ней было два сросшихся лица – мужское и женское. Лица выражали страдание. Странно, что кто-то мог счесть это за игру пятен и теней на мраморе. Неужели никому не приходило в голову поискать старые фотографии той же колонны? Но, видно, не приходило, потому что десятки тысяч людей ежедневно равнодушно проходили мимо и даже головы никто никогда не повернул.

– Да! – сказал кто-то Сашке на ухо. – То самое место! Здесь у Гая четверка пропала. Потом еще две четверки сгнули. Тогда же и лица эти появились!

Сашка резко повернулся. Рядом с ним никого не было. Целясь в пустоту, Сашка взметнул пакет со шнеппером.

– Бабах! Пуф-пуф! Все убиты! – произнес тот же голос, и в нагрудный карман к Сашке нежно опустили пнуф.

Сашка застыл. Ему понадобилось секунды две, чтобы сообразить, что пнуф извлечен из его же шнеппера. Пока Сашка так стоял, рядом зашипела вода из минеральной бутылки.

– Как же с вами со всеми скучно! Я уже и в магазин сбегал, и в кафе посидел, а ты все тут стоишь. Не надоело? Я вообще-то одного Даню приглашал! Ну ладно уж, пришел так пришел... – сказал все тот же голос.

Рядом с Сашкой возник мужчина лет сорока, с залысинами и с небольшими мешками под глазами. Он выпил минералки и аккуратно закрутил крышечку. Сашка с некоторым усилием узнал Дениса.

– Много пью. Ничего не поделаешь, – объяснил он Сашке. – Клеточный обмен ускоренный, если не пить, то сам понимаешь. Ну как там ШНыр? Лошадки ржут,

пчелки жужжат?

– Жужжат! – признал Сашка, безошибочно угадывая за этим презрительным вопросом зависть.

Денис усмехнулся:

– Правда? Ну идем! Вещички свои не забудь! – И он за рукав потянул Сашку к Дане. – Кстати, пиджачок отличный! Я его на прежнее место положил.

Вспомнив о тетинем подарке, Сашка покосился на пакет.

– Откуда ты знаешь про пиджак? – озадачился он.

– Да я его примерил, пока ты столбом стоял. Думаешь, зачем я в кафе пошел? В пиджаке повертеться! Ах, как я был хорош! К сожалению, меня видело только зеркало.

С Даней Денис церемониться не стал, сгреб его под локоть и потянул к ступенькам перехода:

– Идем! Разговор есть!

– Готов к восприятию акустической информации! – с важностью произнес Даня.

– Не здесь. Народу много, – мотнул головой Денис. – Тут местечко есть, где нам не помешают.

Там, где заканчивались ступеньки, налево был небольшой тупичок с висевшим в нем телефоном допотопной конструкции. На месте диска у телефона был металлический круг с заклепкой.

– Здесь, что ли, говорить? По телефону? – спросил Даня.

Денис посмотрел на него как на контуженного и вставил в глаз стеклышко монокля.

– Ну ты, если хочешь, говори по телефону. А мы дальше пойдем... Держи прыгун!

Стеклышко со сточенными краями само вскинулось к Даниному лицу. Еще один монокль Денис с брезгливой ужимкой сунул Сашке. Сашка разглядел на мраморе за телефоном дверь, процарапанную чем-то острым. Дверь весьма кривую – так ее нарисовал бы ребенок.

– Берсерков чертить посылают... нет чтобы художника какого-нибудь!.. – пожаловался Денис и, увлекая за собой Сашку и Даню, шагнул в стену.

Колонна прорвалась как бумага. В лицо Сашке ударил ветер с запахом резины и сварки. Где-то неподалеку шла стройка. Сашка стоял на крыше, на пожарной площадке, сваренной из толстых прутьев арматуры. Рядом, вцепившись в железный поручень, дрожал Даня, боящийся высоты. Тем более что и площадка была с гулькин нос, и держаться толком не за что. Внизу, там, где свежее железо крыши обрывалось в пустоту, в пруду купались перевернутые башни Новодевичьего монастыря.

Сашка легонько встряхнул головой и недоверчиво взглянул на нерпь, проверяя, не сияет ли сирий. Только что был в метро – и вот сразу крыша совсем в другой части города. Нет, сирий не сиял и даже не разогрелся.

– Да, хороши дверки! Вон Пироговка, вон Погодинская! – сказал Денис. – Я часто сюда прихожу. Сажу тут, думаю о всяком разном. Здесь никогда никого не бывает.

– А ведьмарики? – задиристо спросил Сашка.

– Сюда ведут только двери с «Китай-города». А «Китай-города» они все до жути боятся, – сказал Денис, подчеркивая, что три форта сами по себе, а он сам по себе.

В Данину восторженно зашептал отличник:

– Да, Китай-город – территория первошныров. Там под землей тоннели, тайные ходы. В любую точку старой Москвы попасть можно. Китай-город, как и Кремль, строили Аристотель Фиораванти, Пьетро Антонио Солари, Алевиз Новый, Петрок

Малый!

– Что, первошныры все? – наивно спросил Сашка.

Даня вежливо кашлянул. Вечный отличник всегда угадает троечника.

– Не сказал бы. Хотя Аристотеля Фиораванти летописи называют магом и чародеем. Уж не знаю, стоит ли придавать этому смысл, так сказать, форта Белдо, но человек он был наблюдательный. Застраивая Боровицкий холм, Аристотель обнаружил глубокий овраг. Другой бы его засыпал, а Аристотель стал исследовать и обнаружил на дне рва выходы из неолитических пещер. Пещеры соединялись между собой. Где-то можно было только кошке проползти, а где-то и на повозке проехать. Это навело Аристотеля на мысль, что Москва стоит на пустотах, промытых первичным морем и грунтовыми водами, и что если где-то расширить, где-то укрепить своды, то наряду с городом наземным возникнет и город подземный, тайный, пригодный для осад и обороны.

– И он это сделал? – спросил Сашка.

– Ответ положительный. Сделал, – подтвердил Даня. – Правда, и до Аристотеля такие ходы существовали. К Москве-реке шли, к Неглинной, к Яузе, в Александровский сад. Колодцы, осадные цистерны, склады, тайники – все под землей! Наверху город деревянный, вечно пожары, осады, надо под землю забираться, чтобы жизнь сохранить. А однажды землекопы наткнулись на очередную неолитическую пещеру, а в ней – тридцать конских скелетов. Ну скелеты и скелеты, да только у многих коней крылья сохранились! Воображаю, что с копателями стало, когда они при свете факелов все это обнаружили.

– Кладбище пегов?! – охнул Сашка.

– Ага. Первошныры освоили подземье минимум на столетие раньше, – Даня присел на площадку и поджал колени. – В общем, теперь ШНыр в другом месте, а все эти ходы достались ведьмарям.

– Нет. Это шныры говорят, что ведьмарям. А ведьмари утверждают, что шнырам. На самом деле они, похоже, никому не достались, – усмехнувшись, оспорил Денис. Взгляд он не прятал, но встретиться с его глазами у Сашки не получалось. – Неведомое там что-то сидит, жуткое. Не стоило спускаться в

подземье личинки из болота.

– Ты о хранилище эльбов?

– Хранилище не сразу возникло. Долгое время все происходило хаотично. Эльбы мутировали, упрощались, скрещивались с какими-то элементарными сущностями. Теперь это и не эльбы, и не земные существа, а вообще не пойми что. Их и эльбы своими не считают, и для людей они чужие. Но мозг на раз-два-три высосет и добавки попросит...

Денис поежился:

– На «Китай-городе» берсерков теперь под землю и за тройной псиос не заманишь. Есть, конечно, пара психов, которым риск нравится, но это исключение...

– Вроде как у нас Ул и Родион, – сказал Сашка и едва не упомянул третьим себя, но поскромничал становиться рядом с великими именами.

Денис царапнул ногтем ржавые перила.

– У меня сейчас полно свободного времени, – сказал он с кривой улыбкой. – Сами не представляете сколько. Ехал недавно в метро – и вдруг ускорился. Три дня от станции до станции тащился, все замедлиться не мог! Вокруг все замершие как статуи. Кричишь им – не слышат! Ходишь между ними – не видят! Для них-то всего пару минут прошло... Все сумки у всего вагона обшарил, чтобы с голоду не помереть...

Сашка слушал Дениса с жалостью. Ему пришло в голову, что если жить с такой скоростью и дальше, то где-то через пару лет Денису будет за семьдесят.

– Зато много где успеваешь побывать, – продолжал Денис. – В том числе я открыл для себя библиотеку Гая! Кто из вас знал, что у Гая есть большая библиотека? Подозреваю, что книги в ней из шныровской библиотеки. Его секретарь Арно был бы поражен, узнав, что это не Гай забыл там сдвинутые стулья, а я на них, извините, спал! Я тоже нуждаюсь в отдыхе, пусть он и длится какие-то минуты! Да, нуждаюсь!

В голосе у Дениса появились легкое обвинение и вызов. Он всегда о простейших вещах, например о сне, говорил так, словно его заставляли оправдываться.

– Библиотека Гая? А мне посмотреть можно? – жадно спросил Даня.

– Ты же проходишь сквозь предметы? Тогда нет проблем. Но там много охранных тонкостей. Ты вначале подумай, опасны ли тебе маятники в форме рассекающего полумесяца, кипящая кислота, вмурованные в колонны библиотеки голодные эльбы, ну и прочее по мелочи. Я-то просто по пятам за Арно иду, и потому меня это не тревожит.

Даня осторожно кивнул. Он и сам не представлял, опасна ли ему кипящая кислота. По идее, газ будет примешиваться и к призраку. Да и вообще не так давно он попытался пройти сквозь кастрюлю с супом, и ему повезло, что суп не достиг еще кипения. Но и без того было что вспомнить. Глаза Суповны, например, когда она сообразила, что Даня – самый умный мальчик ШНыра – шастает через ее суп без штанов, потому что штаны, разумеется, невидимыми не становились, и приходилось их снимать.

Сложность состояла в том, что Даня не освоил свои возможности до конца. Порой он проходил сквозь стену – и ничего. А порой начинал дико орать, потому что, когда тело начинало обретать плотность, какая-нибудь невиннейшая нитка от шторы, песчинка или жалкий волосок входили ему в ногу как в кисель, и это было дико больно. Приходилось превращаться назад, в обратной последовательности, что из-за страшной боли порой едва удавалось.

– Ну не смешно ли, господа? – стонал Даня. – Не смешно ли? Какая-то песчинка, а я так ною!

– Ничего смешного, – отозвалась Кавалерия. – Так один средний шныр погиб лет пятнадцать назад. Телепортировался к себе домой в безопасное, как ему казалось, место, а там гирлянда лампочек и плакат «Антон, с днем рождения!». Поздравили, что называется.

Денис поглядывал то на Сашку, то на Даню, но собственный его взгляд было по-прежнему не поймать. Наконец он переключился на елки Новодевичьего монастыря.

– В общем, вот что я хотел сообщить. Я вычитал это в книге из библиотеки Гая. Первошныры перебрались туда, где ШНыр сейчас, не сразу. Поначалу там была просто загородная база. Им приходилось часто перемещаться туда и обратно, не прибегая к помощи сиринов. Сирин не всегда полезен. Тащишь ты ведро или ведешь жеребенка – от сирина пользы никакой не будет. Попробуй телепортироваться с ведром, оглоблей или жеребенком. Поэтому по предложению...

– ...Митяя? – попытался догадаться Даня.

Денис усмехнулся и на миг перестал глядеть на елки:

– Нет, Мокши Гая!

– Гая?!

– Да, это он предложил выложить в подземье Китай-города карту нового ШНыра, используя разноцветные, специально подобранные камни и куски скал с двушки, обладающие эффектом сблизать складки ткани пространства. Он же, кстати, и выкладывал мозаику. Карта получилась прекрасная. Можно было не только попасть на территорию нового ШНыра – абсолютно во всякую его точку, но и взять любой предмет. Например, тебе нужна уздечка. Ты просто подходишь к карте и берешь эту уздечку, сам даже не переносясь в новый ШНыр.

– Как рука Кавалерии? – спросил Сашка.

– Да. Но рука берет повсюду, а эта карта только для территории нового ШНыра... Каждая часть карты – определенный ее участок. Пегасня, колодец, старая кузня и так далее, – сказал Денис.

Сашка забеспокоился.

– Гай пользуется картой до сих пор? – спросил он.

– Нет. В пожар 1812 года, когда Москва пылала, ходы Китай-города завалило. Тот путь в подземье, что был известен Гаю, исчез. Новый же отыскать не удалось из-за той чертовщины, что там сейчас творится. Помнишь, я говорил про

пропадающие четверки берсерков и боевых ведьм? Они были посланы искать этот ход...

– И не нашли?

Денис с торжеством усмехнулся:

– Они нет. Его нашел я!

– Как?

– Случайно. Был на «Китай-городе», когда меня в очередной раз накрыло так, что время остановилось. Я спустился на пути и пошел прямо в фарах светящего мне в спину поезда. Там есть небольшая площадка. Кажется, метрополитеновцы называют это «островок спасения». Я поднялся, прошел короткий коридор и...

Денис замолчал.

– В общем, коридор, конечно, не завершился неолитической пещерой. Но два дня спустя я кое-что отыскал. И именно благодаря этому коридору. Метрополитеновцы – созидательные ребята. Они прорыли сотни проходов, ремонтных отсеков, шахт резервной вентиляции. И кое-где их тоннели стыкуются с ходами первошныров.

– И ты решил показать это место нам? Не Гаю? – спросил Сашка.

– Да. После того как узнал, что Магда сделала с Витярой. Такие вещи нельзя прощать. Витяра единственный, кто ко мне хорошо относился, – сказал Денис со злобой. – Кроме того, в саму пещеру я не проник. Мне нужен человек, проходящий стены насквозь.

И он показал на Даню. Даня заколебался. Он подтвердил, что сквозь стены он, конечно, проходит, но стена стене рознь и... На этом дискуссия завершилась. Денис схватил Даню за локоть и потащил за собой. Используя прыгуны, они прошли сквозь три нарисованные двери и неожиданно оказались во дворе котельной, где прямо из земли торчали два бетонных оголовка.

– Что я вижу! Армейский бетон марки «восемьсот»! – воскликнул Сашка. – Кузепыч видит его во сне! Ни торчащей арматуры, ни сколов – ничего!

– Откуда знаешь? – хмуро спросил Денис.

– Да уж знаю. У меня дедушка по бетону спец. Когда нормальным детям читали сказки, мне зачитывались лекции про бетон... Это там что, бомбоубежище?

Денис не ответил. Он был занят тем, что ломом отжимал в оголовке гермодверь.

– Кучу времени с ней в прошлый раз провозился. И вот опять не открывается! – пожаловался он. – Мы сейчас недалеко от Китай-города. Именно в это бомбоубежище я тогда из метро вышел. Ну все! Идем! – В руках у Дениса вспыхнул фонарь: – Не споткнитесь! Если я буду сильно ускоряться, крикните! Со мной иногда бывает. Только сразу кричите, пока я далеко не ускакал!

Луч света пропахал темноту. Оголовки соединялись с бомбоубежищем под домом двадцатиметровыми галереями. Здесь Сашка увидел еще две гермодвери, ведущие в разные отсеки.

– Они через вентгалерею совмещаются! Нам сюда! – Денис показал лучом фонаря налево.

Они прошли тамбур с двойными дверями, сан-узел и электрощит, затем жилые помещения и какую-то комнату с огромными баками для питьевой воды. Сашка едва успевал восхищаться:

– Склад с противогазами! Фильтры с ручным режимом, если кабель перебьет! Прибор химразведки... Смотри, каждая труба желтой краской покрашена!

Даня посмотрел на Сашку с сочувствием. Сам он то и дело цеплял макушкой о низкие потолки.

– Приятно... ой!.. иметь дело с человеком, которого радуют такие... ой, опять ударился!.. милые вещи... А я смотрю – и у меня тряска начинается, что вот-вот война, и выжившим в таких дырах сидеть... Да что же тут за потолки!

Они долго спускались по гулкой металлической лестнице. После очередной двойной гермодвери опять пошел бетонный пол. Денис остановился, и Сашка, шедший следом, едва не налетел на его спину. Они находились в маленьком помещении перед очередной спаренной гермодверью.

– В прошлый раз я пришел оттуда!.. Но сейчас нам там делать нечего! – сказал Денис.

– А теперь куда?

Денис пошарил фонарем. Осветил самую обычную с виду стену.

– Туда! – сказал он и постучал по стене камнем. Стена отозвалась пустотой.

– Видите место свежей кладки? Когда строили этот переход, вышли напрямик на старые ходы. И что же? Чтобы не нарушать проект, все заложили и пробились к метро прямо через грунт.

– Ты уверен?

– Я все сопоставил: и старый Китай-город, и схемы служебных тоннелей метро, и карты из книг библиотеки Гая. Это или здесь, или нигде. Самое же гениальное с моей стороны, что я не применял сложных способов, а использовал тоннели метро в стыке с внешним бомбоубежищем.

Даня уныло посмотрел на фонарь в руках у Дениса:

– Мне же будет темно. Темно и холодно. С фонарем не протиснешься. И в одежде тоже.

– Попробуй! – сказал Денис просительно.

Даня вздохнул и стал раздеваться. Снял свитер, рубашку, брюки.

– У тебя крепкие нервы? – спросил он у Дениса. – Может, все же закроешь глаза? Сашка-то – он привычный.

Денис мотнул головой:

– Что я, голых людей не видел?

– Голых-то видел, – таинственно сказал Даня и начал преображаться.

Вначале исчезла кожа, затем жировая ткань и мышцы. Фонарь в руках у Дениса запрыгал. Кровеносная система несколько замешкалась, но потом пропала и она, оставив один скелет. Этот скелет, прежде чем окончательно рассеяться в слабеньком луче катящегося по полу фонаря, озабоченно указал на что-то Сашке тонкой костью пальца. Сашка оглянулся. На плитах рядом с ним лежал бледненький Денис.

Пока Сашка приводил Дениса в чувство, Даня протискивался сквозь стену. Это было примерно то же, что продираться сквозь тесто или сквозь клейстер. Даня продирался, и стена слипалась за ним. Наконец он ощутил рукой пустоту и с осторожностью выбрался куда-то. Постоял в темноте, опасаясь отходить от стены. Воздух не был затхлым. Нога Дани что-то зацепила. Он наклонился и стал щупать. Нашарил ткань, молнию на ткани, затем ремень. Скользнул рукой в противоположную сторону и нащупал капюшон. То, что он трогал, было легким, но вместе с тем и объемным.

«Чучело, что ли, какое? Откуда?» – растерялся Даня, и тотчас пальцы его коснулись костяного подбородка и зубов.

Он понял, что это было. От ужаса Даня отскочил, едва не залипнув в стене. Остановился, переводя дух. Затем продолжил шарить. Нашел чуть поодаль зажигалку, в которой еще оставался газ. Провернул колесико. С третьей попытки тусклая искра превратилась в огонек. У стены лежали два скелета. Между скелетами валялся легкий топорик-томагавк, слетевший с ручки. Посмотрев на стену, Даня убедился, что ее долго и безуспешно долбили топориком, но массивную кладку не одолели. Тут же валялся и разбитый фонарь. Скорее всего, по стене били уже в полной темноте.

Подсвечивая зажигалкой, Даня пошел вперед. Прямой коридор завершался тупиком. По полукруглой тоннельной кладке каплями сбегала вода. Шагах в пяти Даня наткнулся на горку осыпавшихся кирпичей и увидел пробитое в верхнем своде отверстие. Оно было достаточным, чтобы мог протиснуться

человек. Должно быть, оба берсерка появились оттуда. Здесь же, скорее всего, они разбили и фонарь, потому что среди кирпичей поблескивали стеклышки. Даня забрался на гору кирпичей и попытался просунуть голову в пролом. Однако зажигалка едва светила.

– Нет, здесь Сашка нужен!

Даня хотел возвращаться, но вдруг увидел втоптаный в землю ржавый лом. Берсерки в темноте не заметили его, так как лом, уйдя в отвердевшую глину, был вровень с полом. Даня долго провозился, прежде чем смог достать его. Лом был массивным и проржавел только снаружи. Его вполне можно было использовать, хотя он и царапал кожу на ладонях. С ломом в руках Даня вернулся к берсеркам. Ему было неудобно перед ними, потому что с помощью лома он за десять минут сделал то, на что им не хватило жизни: пробил дорогу на свободу.

– Эй! – позвал он Сашку. – Иди сюда! Одежду мне дай! Я замерз!

Сашка осторожно протиснулся с его одеждой. Денис последовал его примеру. Сел на корточки и, разглядывая скелеты берсерков, сказал:

– Двое! А где остальные?

– Ты с нами? – нетерпеливо спросил Даня, одеваясь и зашнуровывая нерпь.

– Я вас здесь подожду! – отказался Денис, опасливо косясь на пролом.

Даня посадил в пролом Сашку, а потом тот втащил его сверху, используя своего льва. Денис, выждав минуту, неуверенно окликнул их. Никто не отозвался. Тогда Денис, озираясь, выглянул в тот тоннель, откуда они недавно пришли, и негромко свистнул. Из темноты вынырнула полусогнутая мужская фигура. Денис поднял фонарь и осветил ее лицо. Это был Платоша, вооруженный небольшим арбалетом.

– Свет убери! – потребовал он.

Денис опустил фонарь.

– Ну что? Получилось? Ключнули? – нетерпеливо спросил Платоша.

– Угу, – угрюмо ответил Денис. – Уже там! Не знаю, правда, добрались до места или еще нет.

– Ну и ослы, – презрительно сказал Платоша и вдруг, заволновавшись, зашептал: – А псиос Гай вперед дал?

Денис взглянул на него.

– Нет. Когда дело сделаем, – произнес он после короткой паузы.

Платоша заволновался:

– Врешь! Ведь признайся, что врешь! – Он схватил Дениса за запястье и стал его выворачивать, пытаясь осветить лицо фонарем. – Я знаю, что вперед! Я чувствую: есть у тебя псиос!

– Я презираю Гая! Он ничтожество! Я не для Гая на это пошел! – вдруг сказал Денис. Сказал безнадежно, потому что чувствовал: Платоше все равно.

– Так он дал? Много дал? Сколько обещал или меньше? – перебил Платоша.

Денис молчал.

– Значит, больше дал! – угадал Платоша. – Со мной поделишься? Дай сейчас!

Денис с опаской покосился на арбалет в руках у Платоши.

– Я дам тебе на поверхности, – мягко пообещал он.

– Нет, здесь дай! А то выдам тебя!

Денис, уступив, коснулся его лба надетым на средний палец кольцом. По лицу Платоши прокатилась волна удовольствия.

– Я тебя... не понимаю... как ты можешь это иметь... и не использовать сразу и весь... Больной ты... какой-то... – с трудом выговорил Платоша.

– У меня свой интерес! Меня выгнали из ШНыра. А теперь я за это сквитался. И с Гаем сквитаюсь, – сказал Денис вслух, зная, что Платоша сейчас все равно его не услышит.

– А? – переспросил Платоша.

* * *

Даня с Сашкой прошли по верхнему тоннелю метров сто. Постепенно тоннель пошел вниз. Под ногами зачавкала вода. Русалка Дани уже погасла, и светил теперь Сашка. Внезапно он остановился и придержал Даню за рукав:

– Смотри!

Вверх уходила узкая лестница без перил, которую легко было пропустить, так как начиналась она в углублении. Высокому Дане пришлось протискиваться. Сашка поднялся первым, пошарил тусклым лучом русалки и замер. На огромной стене перед ними был ШНыр, с большим искусством выложенный разноцветными камнями, перламутровыми ракушками и слюдой. На современный ШНыр он походил не так уж и сильно. Корпуса в форме буквы «Н» Сашка не увидел. Зато пегасня, кажется, была даже больше, чем сейчас. И колодец у входа там, где теперь главный въезд, и много отдельных мелких строений, сараев, служб. Лишь Зеленый лабиринт находился на неизменном месте.

– Главная закладка! Видишь, она целая! Каменный фонтан не раздроблен! – шепотом сказал Даня, ухитрившийся просочиться и остановиться рядом с Сашкой.

Сашка вытер со лба пот. Только что он дрожал от сырости, а теперь ему стало вдруг очень жарко. Так жарко, как бывало только у Первой гряды, когда время пребывания на двушке истекало. Сашка хотел шагнуть к стене, но Даня, схватив его за руку, направил луч русалки под ноги. В голубом свечении русалки Сашка увидел черту примерно из двух десятков камней среднего и крупного размера.

Возле черты, у камней, лежали шесть черепов и россыпь костей. Здесь же валялись два арбалета и магический шар на серебряной ручке с выступающим вперед одиночным когтем.

– Граница! – сказал Даня, взмокший ничуть не меньше Сашки. – Она из осколков скал Второй гряды! Теперь ясно, почему никто отсюда не возвращался. Прыгуны выбрасывали берсерков прямо в этот зал, сразу к защите. Кроме тех двух, все погибли мгновенно. Тут и шнырам-то горячо, а уж ведьмарям вообще здесь нельзя находиться.

Сашка продолжал освещать пол. Потом опустился на колени и на четвереньках пополз в угол.

– Ага! Разобрался!.. Ниша, а вот и плита! Помоги сдвинуть!

– Как ты знал, что она здесь окажется? – спросил Даня, когда после второй или третьей попытки плита все же ушла в сторону.

– Догадался. В эту нишу оттаскивались камни. Их закрывали плитой, и она экранировала защиту. Можно было спокойно находиться у карты. А когда уходишь – опять возвращаешь камни на место. Не все первошныры были уровня Митяя Желтоглазого. Многим защита тоже мешала...

Показывая, как это было, Сашка отволол камни в нишу. Одни он нес, другие предпочитал перекатывать, размышляя, как тяжело было шнырам доставлять их с двушки. Всех камней оказалось восемнадцать. В нише их пришлось дважды перекладывать, чтобы плита смогла задвинуться и встать плотно.

– Вот так как-то! – сказал Сашка, радуясь, что его теория оказалась верной. – Смотри, уже не жарко совсем! Сейчас защиты нет. А теперь мы вернем ее обратно и...

– Обратно не надо! – вкрадчиво произнес кто-то.

Сашка с Даней обернулись. Погасающий луч русалки вскинулся вверх. В узком проходе стоял Гай, вошедший бесшумно, как кот. Под ноги ему подкатился череп. Гай взглянул и, усмехнувшись, легонько оттолкнул его носком. За спиной

Гая, похожий на сытого упыря, маячил Тилль. Глава форта отдувался. Ему непросто было просунуть громоздкое брюхо в щель.

– Давно я здесь не был, – сказал Гай. – Мешала защита. И ведь что интересно: карту выкладывал я! А потом против меня же и защиту эту устроили! Не жизнь, а парадокс!

Сашка скосил глаза, прикидывая, успеет ли, бросившись, сдвинуть с места плиту. Просто сдвинуть – и тогда даже половинного жара хватит, чтобы не подпустить Гая к карте. Однако от Гая не укрылся Сашкин взгляд. Он подал быстрый, едва заметный знак. Сашка увидел, как Тилль поднимает арбалет. Поднимает медленно, не привлекая внимания. Большой палец, стараясь не вызвать щелчка, тянет предохранитель вниз. Не мешкая, Сашка схватил в охапку растерявшегося Даню и с ним вместе прыгнул прямо в карту.

Он ожидал удара или вспышки, однако стена мягко расступилась, и Сашка ткнулся лицом в хризантемы посреди Зеленого лабиринта. Щебетали птицы. Рядом похрюкивал ошеломленный, уткнувшийся носом в клумбу Даня.

Всего в двух шагах от Сашки бабочки и пчелы ковром покрывали белый цветок с ярко-желтой сердцевинкой в обрамлении четырех алых лепестков.

Глава седьмая

Карта жизни, карта смерти

Паук не убивает свою добычу, а кусает ее, парализует, и долгое время она сохраняется у него в паутине свежей, ожидая часа, пока паук проголодается. Почему добыча не вырывается? Что грезится ей? Кто знает, не испытывает ли она в эти часы перед своей смертью удовольствия, родственного тому, которое испытывают инкубаторы, в которых таится личинка эльба?

Из дневника невернувшегося шныра

Маленькая машинка Лианы остановилась у зеленых ворот. Вывалив на соседнее сиденье все содержимое сумочки, Лиана отыскала пульт, долго дышала на батарейку, уговаривая ее быть хорошей девочкой, однако ворота так и не открылись. Лиана сделала вывод, что батарейка все же девочка плохая. Она вышла, долго нажимала кнопку звонка и размахивала руками перед камерой. Наконец с другой стороны послышались шаги, и телохранитель Долбушина Андрей открыл ворота вручную.

– Мотор сгорел, – объяснил он.

– А поменять?

– Тут много чего надо менять. Это не первое на очереди, – отозвался Андрей.

Лиана понимающе усмехнулась:

– Значит, моя батарейка все же была нормальной девочкой.

Дача Долбушина есть дача Долбушина. Когда-то глава форта решил, что будет здесь все делать своими руками. Однако и рук не хватало, и желание возникало редко, и вообще Долбушин чаще приезжал сюда, чтобы предаваться тоске. Роскошный, в стиле ар-нуво дом, гордость молодого, увлеченного современным архитектора, очень быстро стал выглядеть как заброшенная дворянская усадьба. И травой все заросло, и крыша текла, и в окна дуло.

Однако Долбушина это устраивало. Он настолько мало был озабочен бытом, что поставил в комнате на первом этаже железную пузатую печку, вывел трубу в окно и, ленясь ходить за дровами, топил печь венскими стульями, которые они с Андреем разбивали секирой.

Зайдя в дом, Лиана первым делом заглянула в умывальную комнату, чтобы, как она говорила, припудрить нос. В центре умывальной на мраморном постаменте была установлена ванна времен Наполеона Первого, выложенная по бортику жемчужинами и увенчанная золотым богом морей Посейдоном, изливающим воду из трезубца. Рядом же с этой роскошью на присоединившейся железной раковине – рычаговый кран, какие обычно ставят на огородах. Чувствовалось, что кран Долбушин устанавливал сам. Пластиковые трубы, подававшие к крану воду, вели прямо по драгоценному кафелю.

Альберта Федоровича Лиана обнаружила в кабинете. Он сидел перед картонной коробкой и просматривал старые фотографии. Когда Лиана вошла, он не обернулся, и она сочла это разрешением подойти и заглянуть ему через плечо. Долбушин держал в руках снимок трехлетней Ани, на котором она засовывала большой палец правой ноги в левое ухо.

– Не правда ли, прехорошенькая? – спросил Долбушин у Лианы.

– Похожа на маленького ангела! И гибкость какая! – отозвалась Лиана.

Глава форта быстро повернул голову. Лиана поспешно уставилась в пол. Она знала, что закладка, которую Долбушин некогда взял, позволяет ему узнавать истинные желания всякого, кто посмотрит ему в глаза.

– Что случилось? – спросил Долбушин.

– Мне позвонили: Тилль заехал за Белдо и вместе с ним едет в Кубинку.

– К Гаю?

– Обычно в Кубинку ездят к Гаю. Реже – смотреть на самолеты.

Долбушин исподлобья посмотрел на нее.

– Нас разве звали? – спросил он.

– В отдельных случаях полезно попроситься самим, – сказала Лиана.

Глава форта поморщился. Для Лианы не было секретом, что он терпеть не может Гаю и что Гай не питает иллюзий, какие чувства вызывает у Долбушина.

– Это связано с подземьем на «Китай-городе», не так ли? – сказал Долбушин.

– Откуда вы знаете? Я думала, новость совсем свежая, – изумилась Лиана.

Долбушин улыбнулся:

– У меня в кабинете висит зеркало. А я знаю, что нет красивой женщины, которая, стоя у зеркала, хоть мельком не посмотрелась бы в него. Вот я и подстерег твой взгляд.

Лиана вздрогнула, пытаясь вспомнить, о чем еще она подумала в этот момент. Не выдала ли себя чем-нибудь? Быть влюбленной в шефа – исключительная банальность.

Долбушин подошел к вешалке и, сдернув с нее зонт, прокрутил его в руке:

– Хорошо, поехали. И лучше на твоей машине. Мою Тилль наспиговал жучками. Это уже просто пошлость. Следил бы уж, что ли, из космоса.

Узнав, к кому они собираются в гости, Андрей захватил с собой один из самых мощных арбалетов. Он был блочной конструкции и довольно компактный. Лиана, впрочем, все равно разворчалась, что Андрей завалил ей оружием весь автомобиль.

– Вот, – бормотала она, разгребая заднее сиденье. – Стоит одинокой женщине украсить машину папками для бумаг, шарфиками и всякими полезными вещичками, как ей сразу приходится подвозить каких-то вооруженных мужиков.

Андрей с усилием затолкался в машинку и пошевелил арбалетом, прикидывая, удобно ли будет стрелять.

– Эх, подголовники мешают. И стекло заднее со скосом... В такое раз пять локтем бить надо, пока высадишь! – пожаловался он.

– Только попробуй здесь что-нибудь сломать! – рассердилась Лиана. – Если не терпится, напомни, и на Новый год я подарю тебе кузов от старой машины. Просто кузов, без сидений, без всего. Ты будешь сидеть на стульчике внутри и радостно целиться во все стороны.

Андрей что-то пробормотал и, чтобы чем-то себя занять, просунул лапищу в карман переднего сиденья. Обнаружил коробочку с разноцветными конфетками

и высыпал их себе в рот.

– Хорошо прожевал? На тебе бутылочку, запей! – ласково предложила Лиана. – А теперь мои поздравления! Это были женские витамины с гормональными добавками. Их нельзя трескать как конфеты... У тебя начнутся перепады настроения! Ты станешь жаловаться, что тебя не понимают, волосы секутся, а в любимом сериале умерла тетя Констанция.

Долбушин сидел впереди рядом с Лианой. Лиана старалась пореже смотреть в зеркало заднего вида, чтобы не выдать себя чем-нибудь. Изредка она проверяла, не оплакивает ли еще Андрей тетю Констанцию. Но нет, этот бессердечный человек пока крепился.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Теперь или никогда (лат.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/emec_dmitriy/cvetok-treh-mirov

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)